

Александр Петрашов

СЕЛТИРИАНД

ПУТЬ СКИТАЛЬЦА

16+

Александр Петрашов
Селлтирианд. Путь скитальца

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петрашов А.

Селлтирианд. Путь скитальца / А. Петрашов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Он – Серый скиталец. Могущественный некогда Орден доживает последнее в тених былого величия. Время Серебряных стражей ушло. Лишь верный клинок и необыкновенные способности выдают истинное происхождение того, кого умело скрывает походный плащ скитальца. Все же Эйстельд не один на своем долгом и непростом пути. Сможет ли настоящая и крепкая дружба уберечь мир от новых ударов? Или быть может тьма, рожденная из света, непроглядна только в самом начале?

Содержание

Болота	5
В корчме «Троль и поэзия» много лет назад	10
Вдвоем в дороге	13
Тихая Заводь	18
В кабинете Лагранна	26
Великий Клык	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Болота

Вечерние сумерки отступали, отдавая свои тени во власть приближающейся ночи. Эйстельд устало лежал в зарослях кустарника, именуемого здешним народом клочницей. В его колючих объятиях странник пытался хоть немного укрыться от морозящего дождя, но зелено-мутная дымка все же терпеливо пробиралась к нему и неприятно оседала на коже.

Прохладный ветер тянул за собой гнилостный запах несостоявшейся реки, который ни с чем невозможно было спутать. Болота... Эти дикие места были безлюдны и опасны, впрочем, как и все те, что уходили в сторону от древних трактов и хожих путей.

Эйстельд не мог понять, какое внутреннее чувство подтолкнуло его свернуть в сторону, к незнакомой тропе. Или это была не интуиция, а нетвердо стоящие ноги из-за ведра отборного пойла накануне вечером... Но укорять себя в уже содеянном скиталец не любил, да и явной пользы в этом не усматривал. Так что сейчас, в промокшем плаще и с тюком за спиной, Эйстельд осматривал разветвление полузатопленной тропы со вздувшимися неопрытными холмами над нею.

По болотистым топям его нога ступала куда чаще, чем порою хотелось вспоминать об этом, однако, не смотря на постоянную изменчивость вязкого мира, Эйстельд умело находил нужные ориентиры. Юность в Серых Лесах и долгие странствия в Бурых Пределах оставили следы не только на его облике, но также наградили непростым жизненным опытом и навыками следопыта.

Но сейчас, лежа в зарослях, он не мог отступиться от навязчивой мысли, что все-таки сбился с пути. Потуже затянув тесемку насквозь промокшего мешка, он нехотя стал выбираться из своего укрытия. Делать нечего, ведь о возвращении назад и поиске других тропинок не могло быть и речи. Он хорошо знал: болота слишком обманчивы, особенно после сумерек, даже для Серых скитальцев.

– Не кажутся мне эти холмы безобидным наслоением пород... Раздери меня Изначальный, если я вздумаю карабкаться по их склонам! – пробормотал Эйстельд и провел рукой вдоль гарды своего клинка. Полоторный меч был куда старше самого скитальца, и с Эйстельдом его связывали долгие годы.

Осторожно, слегка пригнувшись и стараясь держаться вытянутых теней, что напоминали черные вуали, ниспадающие с покатых заросших плеч новоявленных хозяев тропы, Эйстельд двинулся в сторону мрачных холмов. Он не раз слышал все те байки, которые так любили травить за кружкой пива в тавернах... Особенно в той, где вчера он пытался перепить, а возможно и перепеть местного барда. Еще немного и он урвал бы победу, но вместе с «Исчезнувшими Первыми Народами», очень трогательной и лирической песней, исчез и его кошель.

Отбросив печальные воспоминания, скиталец начал припоминать перешептывания троих кжиников, которые рассказывали о болотах, о слишком долгих ночах и блеклом тумане, что не возвращает заплутавших путников. «Местные разогреваются за кружкой-другой», – так тогда решил Эйстельд, однако реальность оказалась недалеко от выдумок.

Многое изменилось за прошедшие столетия после Серебряной Войны. Союзы угасли, Орден Серебряных Стражей пал в забвение. Те немногие, кто еще носил в своей крови искры лунного света, скрывались в тенях, передавая древние знания и сохраняя память об истории и искусстве некогда великого братства. Теперь они именовали себя Серыми скитальцами, а остатки их касты – Серым Орденом. Те, кто доживал до старости, носили звание Хранителей. В Совете Серого Ордена им предоставлялось право выносить свое независимое решение. Остальные Серые скитальцы были в основном странниками, в окружении которых Эйстельд и вырос, охраняя вместе с ними границы Бурого Предела.

Доводилось ему встречаться не только с пьяными увесистыми кулаками в придорожных тавернах. Были на его веку и столкновения с многоликою тьмою. Хотя существ послеударной эпохи за долгие годы дозора он почти не встречал, однако их присутствие ощущалось повсюду. Поговаривали, но только сидя у теплого камина, и только после четвертой кружки, о пробуждающихся из старых гробниц. Находились свидетели, якобы видевшие тени высоких королей в тумане. Шепот этих рассказов наполнял каждый угол дома и таверны, пока наконец не добрался до Серого Убежища, что находилось в трехстах пятидесяти лигах по прямой к северо-западу.

В собранном наспех Совете присутствовали немногие, а слухи, которые обсуждались, были полны тревожных известий. Старая крепость Великого Клыка на юго-востоке все также стояла безмолвной. Только болота, с давних лет соседствующие с древней твердыней и раскинувшиеся на многие лиги, пришли в движение. Топь напозла на тракт, исчезали путники, иногда и целые обозы. Зеленая мгла будто оживала и разрасталась куда дальше положенного. Болота начинали собирать дань.

Эйстельд уже тогда догадывался, что питает непроходимые топи и насколько опасным может оказаться такой путь, потому и вызвался добровольцем. По сравнению с остальными, Эйстельд выглядел юношей, тем не менее, все прекрасно знали о том, насколько искусно он обращается со своим клинком. В Совете почти все были согласны, один лишь Гранбурн высказался против. Старик всегда был реалистом:

– Если отправить Эйстельда на юг искать выдумки с дерьмом в тумане, мы здесь сами все захлебнемся. Северные границы нам сейчас куда важнее. Одно нашествие мы остановили, но какой ценой? Если последуют другие, то нам не выстоять! Убежище падет!

И теперь, сбившись с пути и пробираясь по зловонной зеленой топи, скиталец с горечью думал о том, что стоило тогда прислушаться к старому ворчуну.

Холмы были совсем рядом...

– Может и проскочу незаметно... В самом деле, много ли видят эти чертовы короли в таком тумане! – сострил он больше для себя. Если холмы окажутся не просто нагромождением старой породы, а древними курганами изменений, тогда дело обретет скверный оборот.

Воздух становился вязким и постепенно сгущался. К сырому испарению примешивался характерный запах пустоты. Сердце сжималось в когтях тревоги и, подходя все ближе, Эйстельд теперь не сомневался, что подкрадывается к стражам-могильникам.

Внезапно воздух задрожал и, словно сомкнувшись тяжестью вокруг, замер. Левою рукою ему почудилось прохладное касание, скорее даже намек на прикосновение, подобно хлопьям невесомого снега, осевшего на запястье. Но и этого было достаточно. Молниеносно пригнувшись, мягким прыжком с оборотом Эйстельд ушел в сторону. В правой руке сверкнул клинок. Сталь, скрипнув о ножны, тихо запела. Прямо в холме чернело отверстие...

– Все-таки вляпался! – бросил сквозь зубы Эйстельд.

Проем не был однородным, тьма в нем колебалась, точно капля в чернильнице. Выждав подходящий момент, она тонкой струйкой начала течь из горловины. Только не вниз, как положено, а вверх, жутковато изгибаясь. Высокая сутулая фигура неясно вырисовывалась из темноты провала. Латунные наплечники блекло сверкнули в зеленоватом мраке, и в них могильным цветом отразился яркий клинок.

– «Трехлучевая корона, неужто сам Кхфаар... невозможно!» – пронеслось в голове странника. Времени на дальнейшие логические цепочки не оставалось. Не держи он в руках Серебряный Шторм, выкованный в глубине эпох из селлестила, необычного и крайне редкого металла (если верить преданиям – сошедшего с оборотной стороны луны), шансов у него бы не оставалось. Они и сейчас были невелики. С полноценными умертвиями страннику еще не доводилось встречаться, а с Коронованными стражами не встречались и старшие Хранители

уже сотни лет. «Возможно, я еще успею удрать! Связываться с этим, чем бы или кем бы оно ни было, точно не стоит».

Тень без единого звука скользнула в его сторону. Едва различимый нагрудный доспех из тусклого железа слабо мерцал сквозь черные прорехи. Все это нагромождение металла и высохших костей двигалось куда быстрее ожидаемого, и при этом всем стояла невыносимая тишина.

Быстро! Слишком быстро! Мысли подстраивались к боевому ритму. Два мгновенных шага в сторону, клинок со скрежетом прошел сквозь обрывки черного балахона, дробя кости и встречая... пустоту. Следующий оборот – и длинные скрюченные пальцы в одно мгновение прорвали крепкую дубленую куртку. Отдернув руку, Эйстельд сделал резкий выброс меча от колена до плечей и задел доспех, который, не поддавшись, протяжно завыл. Отскочив в сторону и чудом изогнувшись назад, скиталец пропустил у лица страшную пятерню. Эйстельд попытался разрубить тень и, прокрутившись вокруг противника, рубанул крест-накрест. Гулко звякнул встречный металл, как щепки посыпались сколотые кости вперемешку с рваньем балахона. Тень резко отпрянула, но Эйстельд почувствовал, что это даже не передышка... Сквозь разодранную куртку ощущалась заползающая сырость. Следующий выпад для него наверняка станет последним.

У каждого скитальца есть некоторые знания для борьбы с Измененными, но действенны ли они на одного из Коронованных Эйстельд не знал. «Бежать!» – мелькнула в голове нелепая мысль, которую Эйстельд тут же отбросил. Коронованный двигался в этом тумане проворнее, чем рыба в воде. Оставался последний козырь – призрачная надежда на собственный меч. Серебряный Шторм хоть и проходил сквозь черную завесу, расколоть древний нагрудник ему было не под силу. Уповая лишь на судьбу, Эйстельд вложил всю свою веру в силу крови, что текла в его жилах и жилах его предков.

Вдруг он почувствовал, как клинок тихо вздрогнул в руке. Тепло разлилось по всему предплечью, согревающим потоком устремляясь прямо к сердцу. Энергия, идущая от металла, наполняла его грудь и возвращалась в рукоять обратно. Меч едва заметно отсвечивал лунным серебром, которое дарило искру света в этом безнадежном болотном мире. Ощувив угрозу своему столь привычному мраку, сутулая коронованная тень в судорожных изгибах и все в той же непроницаемой тишине начала заползать обратно в чернеющий провал холма.

Тепло меча, придающего сил и уверенности, исчезло также быстро, как и появилось. Поэтому, когда последний луч черной короны скрылся в темноте, ноги скитальца несли его прочь от холмов сквозь пелену, разбрызгивая мутные потеки по едва различимой тропе, к блеклой полосе рассвета.

Сколько Эйстельд бежал, не знал даже он. Наконец, ощущение ледяных пальцев страха и тоски, что терзали его после мучительного прикосновения, начало постепенно покидать.

– Вот же старый осел! – пробормотал Эйстельд, сбавляя шаг и останавливаясь под иссохшим деревом. Бежать больше не было сил, да и с каждым шагом возвращался здравый смысл. Он знал, что стражи крайне редко покидают пределы своих владений. Хотя, касаясь Коронованных, уверенности не было ни в чем. Древние были способны на многое: пространство для них было подобно податливому полотну, а время служило им также, как смертному – простая дорога. Однако чувства подсказывали, что его давно уже никто не преследует. Будучи следопытом, он всегда доверял своему чутью.

– Хороший из меня бы вышел наставник... по распитию браги, просиранию денег и выбору верных путей! – продолжал он ругать себя за неосторожность, но вскоре на дальнейшие нравоучения у скитальца не осталось ни сил, ни желания. Нравственность не являлась его выдающимся качеством. Медленно шагая через постепенно редящую зеленоватую завесу дождя, Эйстельд с видимым удовольствием наблюдал первые и осторожные касания робкого

рассвета. Внимательно осматривая разорванную куртку и рубаху под низом, он с облегчением отметил, что до плоти страшные пыльцы не добрались.

– Повезло, что еще ноги держат. Иначе, валяться бы мне где-то на этой тропе с черными, как сажа, глазами.

Скиталец хорошо представлял последствия, ожидавшие его после Мертвой Хватки, в одиночестве обширных неприветливых топей. Взявшись за рукоять, он медленно обнажил меч и внимательно осмотрел его.

– Спасибо, старый друг, я опять в долгу перед тобой, – тепло пробормотал Эйстальд, бережно проведя ладонью по клинку. Ни сколов, ни вмятин, к своему удовлетворению, он не обнаружил.

– Как всегда – безупречен. Сколько еще силы в тебе, сколько еще веры. Но достоин ли я их? – последние слова Эйстальд прошептал чуть слышно, точно стыдясь того, что клинок ответит. Спрятав меч в ножны и как следует оглядевшись, он прикинул, что где-то там рассвет уже вступает в полную силу, хоть и здесь, на болотах, его дыхание ощущалось крайне слабо.

Временные колодцы... Неслучайно Хранители предпочитают это название, нежели простонародное – Упокоища. Казалось, что промелькнули считанные минуты, а за границей ночь уже перерастала в утро. Нежить пробуждалась там, где сосредоточения селлестила порождали искажения, способные продавливать пространство к другим измерениям. Потому и проявлялись пертурбации времени – чем ближе к центру, тем явственней. Хранители не могли сойтись в едином мнении, где находился исток этих временных колодцев. Одни высказывались, что это зависит от объема скоплений селлестила, другие предполагали, что там могли действовать неведомые им амулеты и артефакты. Высказывались гипотезы о том, что вплотную к центру время почти останавливается. Однако узнать правду не представлялось возможным, поскольку свидетели данных событий никогда не возвращались.

Мысли текли неспешно. Если все-таки это был один из Коронованных, или даже сам Кхфаар, тогда дела в этих краях идут не то чтобы скверно, а на грани полноценного воплощения. Изначальному не достало бы сил... После Серебряной Войны, он хоть и был побежден, но не уничтожен. Однако печати были сломлены и легионы разбиты. Коронованные исчезли во мраке. Изначальный бежал в глубины и многие сотни лет о нем ничего не было известно. Но теперь первый из Коронованных пробужден, значит силы старой крепости, призвавшие вечного, вновь укрепляются.

С этими невеселыми раздумьями Эйстальд повернул к востоку и застыл, как вкопанный. За поворотом, в паре десятков шагов был виден силуэт, закутанный в видавший виды плащ с низко опущенным капюшоном. Обычный человек не заметил бы никого и прошел бы мимо, но острый взгляд следопыта безошибочно распознал сидящую фигуру, затерянную среди неприхотливых форм темнеющих валунов у обочины.

Загадочная фигура не застала скитальца врасплох. Нередко в странствиях ему доводилось встречать разнообразных путников, да и странноватого народа на пути хватало. Но все они преимущественно держались проверенных дорог. Встреча в глубине болот, неподалеку от крепости Клыка, была весьма необычна. По вязким топям, через душливые пространства не решались проходить даже самые отчаянные авантюристы. Редкие дозоры местного караула обходили их десятой дорогой, а уж когда стали расползаться слухи о молчаливых тенях и призрачных силуэтах, желающих срезать путь или отыскать легкую добычу поубавилось вовсе.

Эйстальд подходил неторопливо, стараясь нарочно держаться подветренной стороны, чтобы ветер сыграл ему на руку. По едва различимым очертаниям, проступающим под изношенным плащом, он уже догадывался, с кем примерно предстоит иметь дело, но по прошествию недавних событий решил, что излишняя осторожность не помешает.

– Судя по тому, как ты суешься под ветер, словно дырявое покрывало на бельевого веревке, уж не считаешь ли ты, что я какой-нибудь пронырливый кжиник, что носом

чает, когда задница не мыта?! Тут и носом особо тянуть не нужно, разит от тебя могильником за версту! – с этими словами загадочная фигура откинула капюшон, предъявив миру и обрадованному дождю мокрую путаную бороду, местами укрытую сединой, пару глубоких шрамов на обветренном лице и хитрый глаз стального оттенка. Второй несомненно когда-то был не менее хитрым, но сейчас на его месте сидела тугая, безразличная к происходящему, повязка.

– Эйстельд, чертов бродяга! Как же я рад тебя здесь увидеть, – продолжил он с улыбкой. – Однако, если вдуматься во все эти совершенно «несвязанные» между собой события, то сразу становится ясно, что смердящие больше положенного болота и хрюкающие тени в кустах, заинтересуют Селлтирианд куда больше обыденного. И кто же ринется первым разгрести все эти коварные проделки недремлющей тьмы? Эх Эйстельд, Эйстельд... Внешне ты и повзрослел, но тяга к подобного рода подвигам осталась у тебя с юности.

– И я рад тебя видеть, Гелвин, – улыбнулся в ответ Эйстельд, убирая руку от полированного навершия на рукояти меча. Нестареющего старика бальтора, широкоплечего и низкорослого, даже по меркам его расы, скиталец знал уже не один десяток лет. Гелвин был превосходным охотником-следопытом и с недавних пор – мастерским охотником за головами. Эту новую профессию друга Эйстельд, мягко говоря, не совсем одобрял, но свое мнение держал при себе.

Познакомились они еще в пору молодости скитальца в придорожной корчме, что стояла у границ Бурого Предела, простирающегося на многие сотни лиг к юго-востоку. Внешне эта корчма напоминала месиво из коровьего дерьма и извести, но внутри была на удивление уютной. Именно этот «домашний» уют притягивал проходящие мимо обозы кжиников и купцов, следующих вдоль границ Предела. Они все еще лелеяли надежду выстроить подобие торговых отношений с давно уже одичавшими селениями на северо-востоке. Облюбовали эту корчму и личности более сомнительного вида, до дел которых никто и не проявлял излишнего интереса, разумно понимая, куда он может завести.

Теми днями Эйстельд нес дозоры у этих границ, по большей части обитая на бескрайних пустошах, и лишь изредка появляясь в селениях неподалеку. За это время он научился быть готовым к любым встречам: с отрядами местных мародеров, благородными бандитами, ветеранами всевозможных войн, которые никого не боялись и всегда намеревались брать то, что казалось им своим по праву. Такие встречи (если пытающиеся удачу были настолько глупы или настолько отчаянны, дабы связываться с Серым скитальцем) Эйстельд и его верный клинок заканчивали быстро, навсегда избавляя «гостей» от сложностей дальнейших набегов.

Порой случалось наблюдать издали силуэты бродячих полутролей, которых нужда и голод уводили все дальше от родных гор. Троллей и их ближайших сородичей Зверодрагуров в те времена было мало, поэтому от селений они старались держаться подальше. Лунный металл они чувствовали не хуже, чем звери охотничьи ловушки, потому и скромное жилище скитальца едва беспокоили.

В той самой придорожной харчевне, куда Эйстельд решил наведаться, дабы вернуть себе человеческий облик, и завязалась крепкая дружба между тогда еще молодым скитальцем и старым, неунывающим охотником бальторовской расы.

В корчме «Троль и поэзия» много лет назад

Отряхивая в край изношенный плащ, более всего походивший на балахон странствующего бродяги, до того он был покрыт въедливой бурой пылью, Эйстельд отворил скрипучую дверь в полутемное помещение ничем не примечательной харчевни, разве только, если вникнуть в абсурдное название. На вывеске, висевшей на двух ржавых петлях у входа снаружи, был изображен троль с блаженной рожей, которой автор этого шедевра пытался придать выражение одухотворенности с помощью пера за ухом, что по задумке было олицетворением его тесных отношений с поэзией. Надпись была выполнена довольно искусно и без ошибок, чему странник и удивился. Знающие письменность в этих краях встречались не так уж часто, а о мастерах гравировки и говорить было нечего – их можно было перечесть по пальцам одной руки.

С порога в нос ударил знакомый запах прожаренного мяса, наваристой похлебки, кислого перегара и изношенной кожи. В дальнем углу зала, у пожелтевшего от постоянного смрада окна, Эйстельд приметил подходящий стол. Народу было немного: усталые кжиники из торговых обозов, несколько местных мужиков и совсем неподалеку от приглянувшегося столика сидела низкорослая фигура, привлекающая внимание пьяными громогласными комментариями происходящего вокруг.

«Хм, бальтор... Судя по всему, охотник или кто еще опасней», – подметил про себя Эйстельд, направляясь к столу. Выкрикивающий одновременно шуточки и проклятия, бальтор практически не обратил никакого внимания на проходящего мимо скитальца, если не считать неожиданный напев среди всей его забористой ругани:

– О, лунный свет! Все там, где тьма, сияешь нам! – и последующее за ним восхваление стоящей перед охотником кружки пива. Эйстельд готов был побиться об заклад, что в данной, плохо скрытой издевке, подвыпивший бальтор дал понять: он сразу определил кем является вошедший, и благоговейного трепета от него ожидать не стоило.

Решив не вникать в ситуацию, а просто отдохнуть после стольких дней в диких землях, Эйстельд махнул корчмарю, заказав кувшин пива, похлебки и тарелку куриных рулетов. Только он и успел пригубить темного ржаного, как дверь в корчму распахнулась от довольно сильного пинка и в просвете замаячили силуэты в высоких шлемах с длинными шестами, увенчанные тяжелыми набалдашниками.

Это были сборщики податей очередного барона или наместника с северных рубежей. Более опытных грабителей и насильников нужно было еще поискать. Они всюду появлялись со своими сумками, переполненными указами и предписаниями на все случаи: от взимания всего ценного до продажи в рабство. Эйстельд прекрасно знал, что подлинность содержимого этих сумок никто и не осмеливался проверять. Законы в этих местах потеряли свою значимость, господствующее место занимали теперь сталь и золото.

«Интересно, успею закончить хотя бы с похлебкой, прежде чем эти сучьи дети начнут выбивать из посеревшего корчмаря все, что могло бы послужить оплатой налогов?» – прикидывал в уме скиталец, скорыми глотками осушая только начатый стакан довольно неплохого пива.

Но новоявленную компанию ни корчмарь, ни сборы налогов, похоже, не интересовали. Вместо того, чтобы с пристрастием начать допрашивать всех присутствующих и как можно быстрее стараться освободить их от бремени золота и украшений, все эти шлемы и шесты неспешно двинулись к столу бальтора. В отличие от остальных посетителей, которые тут же позабыли о чем болтали и сплетничали, старого охотника нисколько не смутило их появление:

– Чего это, мастер корчмарь?! Неужто сегодня у вас праздник какой и для детишек сладостей со сдобой напекли? Вон сколько сопляков набежало, того и гляди, передерутся из-за лишней ватрушки! – бальтор весело хмыкнул, невозмутимо взирая на приближающиеся здоровенные фигуры.

– Так, парни, окружайте стол и следите за его руками, они чертовски охочи до всякого рода фокусов. А ты, Гелвин, не вздумай чудить! Бумага с подписью и печатями у нас на тебя есть, и в этот раз мы не упустим шанса ею воспользоваться! – надменным тоном заявил один из прибывших, который, судя по изукрашенному шлему и повелительным репликам, был старшим в отряде.

– Да-а, вы конечно же ею воспользуетесь, – уже без улыбки произнес бальтор, – только не здесь, а за углом, аккуратно шагов десять, как в отхожее место упретесь, там и воспользуетесь! – с этими словами Гелвин обвел потяжелевшим взглядом всю окружающую его стол кампанию, продолжая громко прихлебывать из кружки.

– Да кем себя возомнил этот мешок с дерьмом?! Сейчас я его научу как нужно встречать представителей власти! – сплюнув на стол, зло прорычал покрасневший от ярости командир и рывком выбросил шест в сторону бальтора. Достигни он цели, превратил бы и без того не самое привлекательное лицо охотника в жуткое месиво.

К тому времени, как шест прилетел к краю стола, где секунду назад еще пил свое пиво невозмутимый старик, за стулом никого не оказалось. Зато тотчас слева рухнул, как срубленное дерево, ухмыляющийся тупым самодовольством один из «законных» представителей власти. Вереща как пойманная свинья, он неуклюже начал отползать в сторону, сжимая окровавленную штанину ниже колена. Никто не успел произнести и слова, как приземистая серая тень снова нырнула под стол, и, находящийся справа амбал, у которого только-только глупая улыбка сменялась непомерным удивлением, сильным толчком отлетел в сторону. Здоровяк с отвратительным хрустом повстречался со сваленными в углу ящиками, затем громко охнул, обмяк и затих. Командир, резко отпрянув от стола, полудугой провернул шест, становясь в защитную позицию.

«Вычурному шлему» стоило отдать должное: опытный, хоть и не самый умелый боец», – подметил про себя Эйстельд, с интересом наблюдая за развивающейся перед ним сценой. С того самого момента, когда кольцо вокруг стола небрежно замкнулось, скиталец быстро прикидывал в уме, потребует ли его вмешательство. Бальторов он знал, как крепкую расу одинаково охочих и к доброй драке, и к доброму ужину. Но все же, старик, хоть и не производил впечатление беспомощного, одиноко терялся за громоздкими силуэтами подступающих стражей. Но в тот самый момент, когда напряглась спина командира, готового к нападению, Эйстельд, не выпуская из взгляда старого охотника, понял, что весь этот самодовольный отряд, привыкший к безнаказанному разбою, сейчас обречен.

– Ну и зачем же ты сразу палкой в лицо тычешь? Хоть бы бумажку свою показал для приличия, гаденыш! – с едким пренебрежением проворчал Гелвин, вылезая из-за стола и с криком, скрипучим как вековое дерево на ветру, направился в сторону застывшего командира. Шест просвистел в воздухе, описывая широкую дугу. Бальтор ловко увернулся, проскочил под шест, и неуловимым ударом направил свой незаметный кинжал в щель между защитными пластинами нагрудника. Но противник не собирался так просто отдавать свою жизнь. Позволив кинжалу увязнуть в сочленении доспехов, где клинок уперся в кольчужное плетение, сборщик ударом локтя обломил лезвие кинжала по рукоять, и быстрым отскоком ушел от бальтора на расстояние вытянутого шеста.

– А мне начинает это нравиться! – довольно прогудел Гелвин, отбрасывая в сторону бесполезный обломок. Усмехнувшись пристально наблюдавшему Эйстельду и, не оборачиваясь, он направился к своему столу. Последний из троицы «вершителей закона» остался стоять на месте, напряженно уйдя в оборонительную позицию. Его гордость – изукрашенный, начищен-

ный до блеска шлем, съехал на искаженное от страха лицо. Бальтор, благополучно дойдя до стола, начал копаться в неказистой объемной котомке, пока не извлек из нее небольшой двулезвийный топор с рунической гравировкой по лезвию.

– А вот и время чудес! – ласково проворковал Гелвин, – чего вдруг так засмушался? Сейчас покажу тебе настоящие фокусы, подойди-ка поближе, дружок, – улыбнулся он посревшему от ужаса командиру.

– Довольно! – прогремел Эйстельд, вставая из-за стола. – Гелвин, ты уже достаточно отплатил им той же монетой, которая обычно у них в ходу. Пусть они и редкие подонки, уподобляться им не стоит. А ты убирайся обратно к своим хозяевам! – бросил странник через плечо ничего не понимающему сборщику налогов.

– И передай им, кем бы они ни были, что Гелвина вы повстречали и лично убедились в том, что бальтор под защитой Серых скитальцев. Если им ни к чему проблемы с Селлтириандом, то пусть и не суются в его дела!

Топот удаляющихся ног, скрип и сильный стук распахнутой двери сопровождался хохотом старого охотника.

– Мальчик мой, в уверенности тебе не занимать! Я конечно не слепец, вижу какая кровь струится у тебя в жилах. Но, мой юный оберег, запомни: старику Гелвину ни Серые скитальцы, никакие другие стражи, не нужны! Хотя, должен тебе и плеснуть в благодарность! Давнече никто не пытался оградить бальтора от последствий «справедливых» законов. Бери-ка ты свою кружку и иди за мой стол, будем пить за знакомство, да и рулеты свои прихвати, чего им, беднягам, черстветь в одиночестве.

Вдвоем в дороге

– Да-а, – протянул Эйстельд, вынырнув из нахлынувших воспоминаний. – Ты, Гелвин, как был самым непредсказуемым бальтором, таким и остался. Разве что шрамов на твоих рубцах стало чуть больше. Все также задираешь наемников в трактирах? – с улыбкой спросил скиталец, тепло и крепко обнимая старого друга. Через порванную куртку он почувствовал, что старик и сам промок до нитки.

– И правда, от хорошей драки и крепкой браги даже мертвый бальтор не откажется! А я, как видишь, еще свежее молодого куста в весеннем саду! – усмехнулся Гелвин. – Ты мне лучше скажи, что за мертвяк тебе ребра пересчитать намеревался. Судя по запаху и виду твоей куртки, тут явно не топором и не кинжалом орудовали!

– Хороший у бальторов нюх, однако. Я вот, кроме промокшей кожи и настырно смердящей гнили, ничего и не унюхаю. Все чувства притупил этот чертов туман.

– Ты с мое проживи в Пустошах, да в Серых Лесах, надеясь лишь на следы и запахи, да не каких-то жалких пару десятилетий, а хоть бы полноценное столетие! Вот тогда унюхать сможешь не только Мертвую Хватку, а и белку за милю учуешь, что гадить собралась, но еще сама того не ведает.

– Ну, возможно, еще через полвека я и стану кошмаром для белок. А пока скажи мне, старик, что ты все-таки делаешь в этих болотах? Ведь как мне кажется, для твоей новой профессии голов, что превращаются в кошело, здесь не так уж и много?

– Да уж, чего нет, того нет. Понимаешь ли, контракт мне необычный достался. Ты же знаешь, давно пытался подобраться поближе к королевским заказам. Даже несмотря на мои, скажем так, разногласия, с придворными лицами и прочим королевским отребьем. У такой работы и кошель потяжелее будет, нежели от кжиника ждать за охрану телеги. А тут недавно прямо на стол выкладывают мне свиток, да еще бумага такая, что и табак в ней дымить не стыдно. Вот, погляди сам.

С этими словами старый охотник полез за пазуху, и, найдя письмо, протянул сверток скитальцу.

Метру Гелвину, за неизменным доверием и огромным опытом в сием вопросе.

Прошение:

– Провести разведку местности у крепости Высокого Клыка.

– Определить причину и риски разрастающихся болот.

– Оценить угрозу для первостепенных торговых путей.

– Выяснить, каково участие в этих событиях Селлтирианда.

– Если таковое имеет место быть, разузнать, кого из Серых скитальцев

Орден снарядил для экспедиции.

Все расходы покрываются за счет королевской казны.

В случае успеха, сумма аванса удваивается.

Верховный магистр Лагранн

Королевского Магистрата Белого Крыла.

– И кошель рядом со свитком плюхнулся, скажу я тебе, больше доброго кувшина пива, стоящего рядом. Мне-то сразу понятно стало, что за дрянь на мою голову из того свитка ползет, но при виде такого богатства отказаться здравомыслия не хватило. Да что таить, самого к болотам этим тянуло, знаешь ведь мою любовь ко всему тому, что других на расстоянии держит. А тут еще слухи поползли по округе, мол туман на болотах не от простого наплывает! В

тавернах только об этом и речь шла, иной раз и до драк доходило, коли кто не верил. Как усядутся, сразу за свое: пробудившиеся кругом виноваты! А после пары кружек и очевидцы объявлялись. Такое городили, что мне и самому понравилось. В общем, соблазн и кошель окончательно притупили мои инстинкты, и вот теперь я здесь! Потому ты, мой юный друг, можешь быть доволен, ведь благодаря моей любознательности и королевскому золоту у тебя сейчас такой надежный и неунывающий спутник! – со смехом закончил Гелвин. – А что тебя привело в эти места? – добавил бальтор. – Хотя, обнаружить именно тебя на болотах для меня не стало такой уж неожиданностью. Все-таки Орден не доверил бы это темное дело никому, окромя мастера.

– Вызвался добровольцем, – сухо произнес Эйстельд. – Дела в Селлтирианде далеки от желаемого, и рисковать молодыми и неопытными братьями я не хотел.

– Это похвально, меньшего от тебя ожидать и не стоило. Да и потом, судя по твоей куртке и бледному лицу, твои братья убереглись от куда большего, чем простуда под ледяным ливнем. Кто же тебя потрепал-то так? Не припомню за нашу долгую дружбу тебя настолько подавленным.

– Встретился я, Гелвин, с тем, чего более всего опасался. Путь, как положено, выбрал проверенный, да по непонятным причинам завел он меня в самое сердце могильника, в котором вместо сгнивших костей поджидал Коронованный. Вот из его хватки я чудом и вырвался, если считать за таковое умение рук и древний клинок, верно мне послуживший.

Бальтор остановился как вкопанный и пристально взглянул из-под капюшона в лицо странника. Наконец, после повисшего молчания, прохрипел:

– А корона-то какая, увидеть успел?

– Трехлучевая, – хмуро сказал Эйстельд, – а под тряпьем был церемониальный доспех.

Гелвин беззвучно шевелил губами, перепрыгивая взглядом с камня на камень, бормоча себе под нос: «Как же так, выходит действительно пробудился? Трехлучевая... Неужели Кхфаар?».

Некоторое время друзья шли молча. Призрачные полосы восходящего солнца едва проникали сквозь волнистый туман и пелену дождя, но в воздухе уже чувствовались первые прикосновения сонного ветра, принося отчетливую свежесть в окружающее удушие. Узловатые деревья по мере приближения вырастали из тумана, следуя вдоль тропы подобно безмолвным стражам. Многие были неестественно высохшими и искривленными, и это было довольно странно для столь насыщенного влагой места. Их длинные, жутковато переплетающиеся, черные ветви издали походили на членистоногие конечности огромных пауков, безжизненно свисающих на незримой паутине.

Порывы ветра то затихали совсем, то усиливались, принося навязчивый холод, заставляющий судорожно кутаться в промокшие и практически бесполезные плащи. По обе стороны тропы извивались, то пропадая, то выныривая из тумана, облезлые и невысокие холмы, покрытые жухлой травой и размокшей глиной. Миля тянулась за милей, а окружающий пейзаж почти не менялся. Долгожданные лучи рассвета так и не смогли прорезать густое плетение тумана, потому высоко взобравшееся полуденное солнце было едва различимо, словно сквозь мутное стекло пыльной бутылки.

– Все-таки вдвоем, к старой крепости... – задумчиво протянул Гелвин. – Сколь бы ни были благородными твои цели, думаю, вдвоем мы куда быстрее смекнем, что там к чему! Судя по тому, что уже смердит у поверхности этих развалин, то явно мы там повстречаем не беглую банду местных оборванцев.

– Гелвин, – начал осторожно скиталец, дабы не обидеть старого друга, – в Великом Клыке, помимо холода и сырости, нас может ожидать нечто большее, с чем мы можем совладать. Если судить о пробудившемся Коронованном и разросшихся болотах, что расползаются от крепости, то искать источник нужно в самом ее сердце. Наши самые худшие опасения могут оказаться

верны, и нечто древнее зреет в старых развалинах. Может след ведет к самому Изначальному в бесконечных глубинах. Поскольку выяснить это нужно наверняка, то один я попробую рискнуть. Серые скитальцы должны знать, с чем им предстоит иметь дело. А тебе, мой старый друг, скажу одно: не думаю, что кошель с золотом, а уж тем более интересы Королевского Магистрата, стоят того, чтобы совать свою голову в петлю.

– Моя голова на то и моя, дабы совать ее куда захочу! – раздраженно отрезал Гелвин. – Хоть я и люблю тебя, Эйстельд, но твое благородство иногда лишает тебя рассудка. Это с каких пор бальторы бросают друзей в час нужды, а? Уж не думаешь ли ты, что за прошедшее время я состарился и стал в драке обузой? Нет, Эйстельд, я пропущу твои нелепые предложения мимо ушей, и давай сделаем вид, что ничего такого ты и не предлагал вовсе. Изначальный, Коронованный или кто ещё, но одному соваться в эту крепость я тебе не позволю!

Следопыт улыбнулся и промолчал, однако внутри у него стало теплее. Старый охотник был надежным другом и умелым бойцом, о большем в этой ситуации просить и не стоило. Окружающие холмы начинали редеть, постепенно все больше припадая к земле. Редкие островки болотной травы чередовались с высокими стеблями камыша. Где-то рядом пробежал свежий ручей, возможно, даже приток к мутному и обширному озеру, раскинувшемуся у самого основания крепости. Эйстельд остановился, внимательно прислушиваясь. В спертom воздухе и монотонном бормотании дождя он уловил тихий шелест потока. Появление первых камышей заинтересовало и старого охотника:

– Похоже, что и впрямь родник недалеко. За глоток из чистого ручья в этих зловонных землях я сейчас не пожалел бы и пары золотых, – сказал бальтор. – Как думаешь, уж не тот ли это из притоков, что питает озеро у Великого Клыка?

– Как раз это мне в голову и пришло, – ответил Эйстельд. – Ручей должен вывести нас аккуратно к окраинам крепости.

– Сказано – сделано! – Гелвин, поднявшись, оглядел близлежащий, покаты́й холм. – Давай свернем с тропы здесь. Мне все еще сводит желудок мысль о неугомонной нежити в окрестностях. Но поскольку брюхо все равно пустое, а к ручью идти нужно, стоит рискнуть. Срежем путь здесь. Нюх мне подсказывает – так к проточной воде и выйдем.

Взобравшись на невысокий, но довольно осклизлый холм, и еще раз внимательно осмотревшись кругом, друзья почти бегом двинулись на юго-восток. По приближающемуся шуму бегущей воды стало понятно, что направление они выбрали верное. Сверху холмы были лишены пышной растительности, если не брать в расчет редкие островки неопрятной травы. На бегу, продолжая изучать местность, Эйстельд подметил, что сырая глина, преобладающая вокруг, иногда чередовалась со странного вида наслоениями белесой породы, выпирающей из-под размокшей грязи.

– Кости Земли, – будто подслушав мысли, бросил Гелвин через плечо, – древняя, загадочная порода. Особо занимательна при полной луне. Бытует мнение, что она как-то связана с селлестилом и Серебророжденными. Ты должен был многое об этом слышать. Одно время ваш орден был очень заинтересован в выработке этой породы.

– Да, мне не раз доводилось беседовать с мастерами, посвятившими себя вопросу о происхождении Sekalantas или, как ты сказал, Костей Земли. В библиотеке Серого Убежища сведений об этом есть немало. Даже образцы хранятся, с трудом добытые в Серых Пустошах. Камешки размером с горох. Такие огромные месторождения вижу впервые и уж никак не ожидал встретить их в сердце топей. На болотах доводилось бывать и до этого, но ничего подобного никогда не видал.

– Как и я! – отозвался бальтор, – но, можешь мне поверить, что это они и есть! И лезут они наружу, видно, по той же причине, по какой здесь вообще вся ерунда и творится.

Туман, начинающий редеть, словно внезапно передумал, и вновь начал сгущаться, однако в окружающей влаге чувствовалось изменение. Издали доносился запах свежей воды, и через

пару сотен шагов, сквозь пелену стали прорисовываться стройные шеренги высокого тростника.

– Вот мы и на месте, – сказал Эйстельд, осторожно раздвинув сухие стебли и внимательно осматривая ручей. – Похоже, что приток чистый, не отравлен ни испарениями, ни скверной болот. Как считаешь, Гелвин? Думаю, что он сгодится освежить и себя, и фляги.

Бальтор, задумчиво наклонившись, пристально всматривался в беспокойную воду. Затем, зачерпнув немного в ладони, долго вынюхивал нечто, ведомое ему одному. Громко вздохнув, точно перед прыжком, сделал большой глоток и застыл, прислушиваясь к своим ощущениям. Через пару мгновений, обернув свое довольное лицо, произнес:

– Чище только водка в таверне! Доставай флягу, еще неизвестно, когда в этих затхлых краях чего получше найдем!

Как следует умывшись и утолив жажду, путники занялись пополнением запасов. На вопрос Эйстельда, почему Гелвин наполнил только одну флягу, хотя к поясу у него была пристегнута еще одна, куда больше, а из котомки торчало горлышко объемного бурдюка, бальтор проворчал:

– Куда воды столько глушить? Я ж не окунь тебе какой-то! Сам знаешь, не всю жажду водой утолить можно, – весело подмигнул старик. – Потом сам еще рад будешь, что в глотку не водичка родниковая льется!

Ручей, окруженный тростником, убежал дальше к югу, теряясь в зеленовато-серой дымке. Солнце медленно клонилось к закату. Странник нехотя поднялся с земли, где на самодельной подстилке из примятых стеблей сидеть было довольно тепло и удобно. Эйстельд opravил снаряжение и набросил свой сырой плащ, вздрогнув и поежившись от прикосновения холодной тяжелой ткани.

Он припомнил, что у подножия Высокого Клыка раскинулась когда-то оживленная, но теперь давно заброшенная деревенька. В молодости он бывал однажды в ее окраинах, когда болота являлись лишь небольшим подтоплением. Это были скромные трясины, что располагались в долине между холмами, которые даже не отмечали на карте. Сейчас для этих десятков миль стоило составлять отдельную карту.

Скиталец растолкал Гелвина, который, радуясь свежей воде и мягкой подстилке, а может и паре добрых глотков из большой фляги, решил вздремнуть, не особо тяготясь нынешним положением. Бальтор должно быть прекрасно понимал, что второго такого пристанища найти в скором времени не удастся, и был крайне раздосадован поспешностью Эйстельда со сборами в дальнейший путь.

– Ты конечно пропустишь мимо ушей ворчание старика, но должен заметить, что к окрестностям крепости мы выйдем уже к позднему вечеру. А ты и сам помнишь всякого рода жутковатые истории о том, как заводь у подножия однажды начала меняться. Как опустело некогда процветающее селение. Как потом все эти тайны от пронирливых глаз укрыл разрастающийся туман, и в опустевшие дома той деревни темными безлунными ночами из озера навевывалось нечто не самое радостное. Не нравятся мне ночные прогулки в заброшенные деревеньки, чую, что добром это не кончится.

– Я тоже не горю желанием туда соваться, – ответил Эйстельд, – но перспектива еще одной ночи в этих проклятых топях мне нравится еще меньше. Прошлые сумерки для меня чуть не стали последними, и я не хотел бы испытывать свою удачу дважды. Мы уже уяснили, кто несет стражу в этих болотах, и поскольку ночь излюбленное время для любой нежити, вплоть до Коронованных, думаю, что стоит рискнуть и заночевать в заброшенной лачуге. В ней мы сможем согреться и вздремнуть у небольшого, но надежного костра, чем выжидать второй встречи в сыром мраке болотной ночи.

– И то верно! – мотнул головой охотник. – Если бы не твой рассказ о холмах-упокоищах, не пойми откуда возникающих, я конечно предпочел бы ночь скоротать подальше от забро-

шенного селения. Ладно, рискнем, где наша не пропадала! К тому же мысль о костре согревает меня радостью, словно нутро брагой!

Во время этих слов Гелвин сбавил шаг и, повозившись в котомке, извлек бурдюк. Сделав пару основательных глотков, протянул его Эйстельду. Как и предсказывал бальтор, Эйстельд несколько не был разочарован в содержимом бурдюка охотника. Почувствовав себя согретыми и отдохнувшими, они отправились дальше. Гелвин был прав: сумерки настигали их с каждой милей. Решив не останавливаться, пока не достигнут нужной местности, следопыт и охотник прибавили шаг, двигаясь в основном молча, зорко подмечая малейшие изменения в тусклом окружении. По левую руку все так же стремительно извивался ручей, то спадая со склонов пологих холмов, то прорезая в них небольшие канавы. Тростник становился все выше и гуще. В окружении подтопленной грязи и буро-серой травы мельком можно было разглядеть целые островки кольшущихся стеблей. Возле ручья, несмотря на явную свежесть и наличие чистой воды, по-прежнему было не увидеть признаков любой живности, как и на всех остальных, бескрайно раскинувшихся лигах. Тишина в округе нарушалась лишь шуршанием капель срывающегося дождя, да иногда жутковатыми завываниями ветра, напоминавшие надрывные бесвязные вопли.

Бледная солнечная искра медленно клонилась к горизонту, вычерчивая неровный край далеких нагорий. Бессильные, едва осязаемые лучи, просвечивали сквозь марево туманного покрова. Сине-зеленый уходящий вечер обесцвечивался, погружаясь в серые оттенки. Длинные тени, отбрасываемые встречным тростником, подобно беспокойным волнам, омывали силуэты торопливых странников, поглощая их с головой, чтобы потом вынести их наружу, к меркнушему свету заходящего солнца.

Тихая Заводь

Молодая призрачная луна, потянувшись вслед за последним размытым отблеском заката, словно тающим снегом укрыла серебряным свечением буро-зеленые холмы, придав таинственности этому угрюмому миру. После долгих часов изнурительной ходьбы Эйстельд заметил, что в отдалении очередной склон сходил как-будто на нет, и вместо холмов начали проступать нечеткие контуры первых признаков заброшенного селения.

Друзья приблизились к покрытой мхом и лишайниками плетенке, за которой можно было разглядеть покосившиеся лачуги, черные и кривые вешала для рыболовных сетей, остатки спутанных и развиваемых порывами ветра снастей, что походили на редкие пряди седых волос. Тут и там сиротливо жались друг к другу старые лодки с прогнившими бортами, наполовину занесенные мокрым песком и тиной.

Решив немного передохнуть, Эйстельд расположился за небольшим валуном, прямо у края едва заметной тропы, которая была почти полностью укрыта слоем воды и грязи. Рядом неслышно опустился Гелвин. На покосившемся указателе, что был в нескольких ярдах от их временного укрытия, взглядываясь в почерневшее от старости дерево, он прочел:

– Тихая Заводь.

– Слишком уж тихая, – заметил Эйстельд, – быстро же туман и сырость справились с остатками некогда оживленной деревни и торгового узла. Еще во времена моей молодости здесь устраивали такие гуляния да чествования духа озерного, что народ с десятков лиг вокруг собирался.

– В твоей молодости... – усмехнулся бальтор. – Когда я только начинал странствовать и был куда моложе своей первой секиры, деревеньки этой и не существовало вовсе, как и самих болот. Но крепость уже тогда стояла очень древняя, и у ее подножия гулял ветер и страх. Я все задавался вопросом: как вообще кого-то могло угораздить селиться и обустроить жилье в ее тенях?

– Кому дело было до каких-то там древних развалин, когда под ногами была плодородная земля и озеро, в котором рыбы было больше, чем воды? Все, что было связано с этой крепостью, кануло в лету. Только Хранители и помнили фрагменты всей истории. А простому люду теплый дом да наваристая уха за столом были куда важнее всех этих забытых легенд. Вот и селились, процветая со временем.

– Теперь-то всю эту картину процветающей никак не назвать. Крепость хоть и забыта, но до спокойствия ей далеко. Видно, веселье и смех с гуляниями у себя под боком она долго терпеть не могла.

– История Великого Клыка тянется из самых древних времен, и стоять крепость будет до тех пор, пока жив ее создатель. А судя по последним событиям, он набирает силы, готовясь извести куда больше селений, чем пару рыбацких домишек у собственного порога.

– Но пока это только предположения, – поспешил заметить Гелвин, – о возвращении того, о ком мы говорим, уже многие столетия не было ничего известно.

– Да ты прав, пока предположение... Поэтому и нужно как можно скорее попасть в крепость. Если мои догадки верны, то внутри все должно буквально раскалываться от неминуемого пространственного сдвига. А о количестве энергии, нужной для глубинного портала, тяжело даже представить, – с некоторой осторожностью рассудил Эйстельд.

– Портал, говоришь? – нахмурившись, протянул бальтор. – Уж не о целом воплощении ты рассуждаешь? Событие такого порядка и таких энергий. Даже Хранителям не ведомо, возможно ли такое.

– Многое возможно, чего не ведают и Хранители, – стоял на своем скиталец. – Если отбросить мысли о возвращении Изначального, что же тогда побудило Коронованного? И болота питает источник куда больший, чем остаточная энергия от первых ударов.

– Мы теряем время, сидя тут за камнем и попусту болтая языком! – раздраженно бросил бальтор, кряхтя поднимаясь с земли. – Раз уже прошлись и по истории, и по теории, пора бы и крышу подыскать. Вид этой деревни в темноте мне нравится все меньше и меньше.

Поднявшись из своего укрытия, Эйстельд оглядел сумрачное селение, утопающее в своих собственных причудливых тенях. Затем двинулся в сторону ближайшей лачуги. Гелвин неслышно ступал сбоку. Когда было нужно, старик умел обходиться без единого звука. Они не стали углубляться внутрь села, а начали осмотр с первой постройки. Сооружений, еще хоть как-то напоминающих дома в более-менее цельном виде, осталось всего единицы, и обход не обещал быть долгим.

Вплотную прижавшись к темному и гнилому деревянному срубу, скиталец осторожно заглянул в черный проем окна. В комнате, едва озаренной скудными лучами лунного света, проникающими сквозь щербатую крышу, он разглядел остатки когда-то вполне уютного жилища: огромную печь, стол с разбросанными стульями вокруг и в углу неясное пятно, похожее по очертаниям на остов некогда широкой кровати. Для верности, Эйстельд легонько потянул покосившуюся дверь. Вслед за жалобным скрипом в комнату пробралось чуть больше тусклого света, окончательно прогнав тревожные мысли о мало приятных неожиданностях в темных углах.

В надежде найти что получше, путники направились к следующему домишке. Время и влага пощадили эту лачугу чуть больше других. На окнах еще болтались скошенные ставни, дверь сидела довольно прочно и не сразу поддавалась усилиям при открытии. Изнутри крыша была усеяна бесчисленными прорехами, но снаружи была еще крепка и не пропускала влагу. Печь, более походившая на некогда роскошный камин с богатыми изразцами, убранство комнаты, теперь мирно гниющее в сырых закоулках, говорило о некогда хорошем достатке хозяина этого жилища.

Дальнейший осмотр в конце развалившихся лачуг не выявил ничего нового, кроме колодца, стоявшего в центре небольшой площади. Тщательно исследовав местность вокруг него, они заметили, что, несмотря на общую влажность и почти непрекращающиеся дожди, колодец отчего-то был пустым. Также их внимание привлекла наполовину заваленная дверь в подвал у крайнего дома, находившаяся всего в нескольких десятках ярдов от темнеющей массы воды. После некоторых колебаний, колодец решили накрыть неподалеку найденной крышкой, а дверь – не разгребать и не трогать. Если что там и было, то там же пусть и останется.

Луна добралась до самого верха. Каждый угол, каждая покосившаяся жердь или очертания поваленных лодок непостижимо играли своими собственными причудливыми тенями. Призрачная пелена, стекающая сверху, вдобавок пополнялась поднимающимися снизу белесыми наплывами от неподвижной озерной глади. В этом зыбком нереальном мире белый цвет необъяснимым образом подпитывал сгущающуюся тьму.

– Второй дом в обходе, как по мне, лучший вариант для ночлега, – предположил Эйстельд.

– Да, добротная постройка, – кивнул бальтор, – похоже, что раньше это было жилище старосты или купца какого. Мне он тоже приглянулся: подвала нет, окно столом привалить можно, на двери засов добротный. Осаду держать, если вдруг, запросто выйдет! – удовлетворенно подытожил старый охотник.

Внутри, задвинув засов и следуя совету Гелвина, подперли столом то окно, которое вот-вот намеревалось вывалиться. На остальных двух ставни еще сохранили кое-какую подвижность, и после небольших усилий закрылись достаточно плотно. Огонь развели с трудом: мокрая древесина, подобранная по пути, либо дымила нещадно, не давая огня, либо осыпалась

беспольной трухоу. Все же навыки охотника и знания следопыта взяли верх, и скромный костер затрещал в старом камине.

Подпитывать его решили с помощью остатков фурнитуры. Гнили они здесь все равно без дела, а ночь обещала быть долгой. Следопыт вытянул на свет из своего мешка пару кусков обветренной солонины, протянув один Гелвину. Бальтор благодарно улыбнулся и вывалил из своей котомки пару яблок, картофеляину, пучок лука, несколько головок чеснока и редиски, засохший сыр и приличный кусок вяленой грудины. Старик оказался запасливым не только в плане браги, хоть Эйстельда уже этим было не удивить.

Затеяв поздний ужин с периодическим обменом бурдюка из рук в руки, друзья наметили план на завтра. Оба сошлись в том, что нужно начинать с поисков более-менее приличной лодки для переправы. Когда в бурдюке оставалось чуть больше кварты, Гелвин предложил устраиваться на боковую. Первым в ночной дозор вызвался именно он, аргументируя тем, что прошлую ночь, в отличие от Эйстельда, он провел не так уж и дурно, хоть и на голодный желудок:

– Кусок в горло не лез в этих чертовых топях, – вздохнул старый охотник, – вроде и нервы в порядке, и брага нутро грела, а есть совсем не тянуло.

– Не переживай, – успокоил скиталец, – на сегодняшнем ужине ты не бездельничал.

– И то верно! – хлопнул себя по животу бальтор, – все-таки под крышей, сидя у теплого камина, в хорошей компании и пищеварение иное! А ты устраивайся, иль сказку ждешь на ночь?

Эйстельд не стал себя долго упрощивать: разостлал свой слегка просохший плащ поближе к огню, подложил мешок под голову и разместил Серебряный Шторм по правую руку на случай, если потребуется им быстро воспользоваться. Сквозь подступающую дремоту он заметил, как Гелвин чуть слышно напевал знакомую мелодию, а затем, покопавшись в своей почти колдовской котомке, извлек коротенькую трубку с изящной табакеркой. Глядя на неясный силуэт бальтора, окруженного клубами живого дыма с мерцающими искорками, подсвечивающими грубые шрамы на старом лице, скиталец подумал, что сейчас и сам не отказался бы от доброго южного листа, и с этими мыслями провалился в беспокойный сон.

Во сне ему привиделась высоко вздымающаяся к небу крепость. Различал он ее не отчетливо, словно огромный нависающий силуэт с размытыми очертаниями. Он же находился в слегка покачивающейся лодке, окруженный водой и туманом, и почему-то один. Под мерный плеск едва осязаемых волн, Эйстельд проваливался все глубже и глубже, чувствуя исходящее от воды необъяснимое спокойствие. Как вдруг, со стороны безмолвной крепости, он услышал слабый крик, который становился все реальнее. Теперь он различал свое имя, и, судя по зовущему голосу, это был бальтор. Он звал все громче и настойчивей, будто у самого уха, и наконец странник проснулся. Еще не совсем отойдя от сна, Эйстельд увидел рядом со своим лицом Гелвина. Старик, тревожно вглядываясь в скитальца, тряс его за плечо:

– Поверить не могу, Эйстельд, ты спишь как после трех ночей, проведенных в ровиранском притоне. Что за чертовщина на тебя нашла? Я уж думал ты вообще просыпаться не намерен, – встревожился охотник.

– Да-а, сам не ожидал, – сонно потянулся следопыт, – увяз во сне, точно в болоте, что наконец добрались до меня, и Великий Клык, очнувшись, начал копать в моем сознании.

– Из нас двоих тут только у одного кровь вперемешку с селлестилом! Потому послушай мой совет: тебе, Эйстельд, стоит пытаться прятать свои мысли как можно глубже. Крепость вплетается в твои сны не просто так. Этот древний пик будто чувствует твоё приближение, чувствует и готовится!

Странник, теперь совсем проснувшись, задумчиво выслушивал хмурые догадки друга. Молча потянувшись к своему мешку, он извлек простенькую трубку и потертый мешочек. С наслаждением вдыхая густой дым, с послевкусием вараллиандского листа, задумался о том,

что Гелвин конечно мог и сгущать краски, но многое из сказанного казалось ему не таким уж абсурдным.

В думу, он неспешно размышлял о том, что носители лунной крови были угасающей ветвью еще со времен Серебряной Войны, и нередко могли чувствовать селлестил даже на расстоянии. После удара лунная пыль со временем разделила существующие расы на теперешних Серых скитальцев и Искажённых – тварей изменения, пришедших напрямиком из ночных кошмаров с Изначальным во главе. Столетия прошли после того, как остатки бесчисленных легионов были разобщены и загнаны глубоко в пещеры под землю. Изначальный был повержен и исчез с лика истории. Однако крепость жила, звала древнюю кровь, лунные циклы были опять беспокойны.

Эйстельд, затушив трубку, предложил охотнику немного вздремнуть, ведь до рассвета оставалось еще пару часов. И вскоре до скитальца донесся приглушенный храп. Гелвин решил не тратить оставшееся время впустую. Эйстельд задумчиво сидел у камина, вспоминая свой сон, и пытался растолковать его значение, найти какие-то зацепки.

Внезапно его вырвал из раздумий громкий хлопок, будто неведомый снаряд из всех сил ударил в деревянное перекрытие. Эйстельд вскочил на ноги, одним движением обнажив меч, и встал напротив двери. Судя по звуку это была крышка колодца. Странник с тревогой обернулся на спящего бальтора, но Гелвин уже не спал. Приподнявшись и облокотившись на свою секиру, он выжидательно глядел на скитальца:

– Все-таки что-то из колодца выскочило, да судя по звуку, как пробка из бочки. Ты держись ближе к двери, а я займу позицию у окна, – деловито распорядился бальтор. Быстро поднявшись, коротким и сильным ударом расколочил валявшийся рядом перекошенный стул. Подобрал два подходящих обломка, Гелвин их сунул в огонь.

– Таиться больше нет смысла! – объяснил старик и, подождав немного, проворно протянул Эйстельду схваченную огнем деревяшку. – Какой тварью бы не были эти ночные гости, теплый прием ей будет в самую пору.

Оба стояли в напряжении с вытянутыми вперед головешками. Света как раз хватало ровно настолько, чтобы видеть все возможные углы и потенциальные места для глухой обороны. Какое-то время ничего не было слышно, кроме приглушенного шума дождя. Затем отчетливо стали слышны шелест и скребущие звуки на крыше. Сверху, под давлением веса неведомого гостя, осыпалась труха и пыль. Старые перекрытия дрожали, готовые обвалиться в любую секунду. Через пару мгновений все стихло, но тишина длилась недолго. Стол, закрывающий окно, пошатнулся и со скрипом медленно начал скользить по полу. Что-то снаружи прикладывало немалые усилия, дабы пробраться внутрь. Гелвин плечом навалился на столешницу, заставив ее остановиться. Вдвоем с Эйстельдом, дюйм за дюймом, они привалили окно обратно.

Едва переведя дух и уже было решив, что ночное вторжение на том и завершилось, друзья услышали слабый скрежет у входной двери. Щеколда, хоть и выглядела массивно, но под сильным напором неистово запрыгала, а сама дверь готова была вылететь из петель. Бальтор, перебросив секиру в другую руку, метнулся от стола ко входу. Эйстельд рассек воздух взмахом меча, оценив тесноту пространства, и, глубоко вздохнув, приготовился к неизбежному. Дверь перестала плясать в петлях, удары снаружи затихли. Затем дерево медленно, с сухим треском, стало прогибаться вовнутрь, словно вся масса наружного мира пыталась прорваться сквозь этот дверной проем. Наконец засов не выдержал и со звоном отскочил в противоположную стену. Дверь распахнулась с глухим стуком, и перед глазами путников предстал настоящий ночной кошмар.

Вместе с зеленоватым предрассветным туманом и порывами косога дождя в комнату ворвалось нечто, размером с медведя, который очертаниями сошел бы за человека. Мокрая и широкая спина была покрыта редкими кусками бледной свалывшейся шерсти, а под тем-

ной кожей с отвратительными наростами виднелись узловатые переплетения мышц. Огромные руки издали напоминали человеческие, но при ближайшем рассмотрении кисти и фаланги пальцев более походили на мощные членистоногие конечности паукообразных. Морда сперва казалась гипертрофированным лицом, если бы не застывшее выражение глаз, лишенное разума и осмысленности. Огромные, не прикрытые веками и с отсутствующими напрочь зрачками, эти два белых шара слепо отражали свет от камина и двух вытянутых навстречу горящих головешек. Каких-либо губ или ротового отверстия у существа не было и в помине.

Эйстельд уже знал, что пожаловало к ним из колодца. С подобными тварями ему уже доводилось встречаться. Искраженные лунной пылью, они скрывались в самых глубоких пещерах, и жажда селлестила была для них сродни зову. Многие века назад во времена первых ударов и в последующие столетия таких тварей насчитывалось тысячи. Никто точно не знал, порождали они друг друга или все это были сплошь Искраженные и Измененные, населяющие Элрадан до падения первых метеоров.

Однако уже очень давно никто не встречал Гурллуков. Эйстельд однажды видел, как эти глубинные существа питаются: мощная челюсть расплзается в омерзительном оскале, нависая над растерзанными останками, высвобождая мириады изогнутых зубов. Потому, глядя сейчас на эту невообразимую массу мышц и пустые белесые глаза, Эйстельд понимал, что эта схватка может стоить им двоим жизни.

Гелвин тоже понял, с кем они имеют дело. Выбросив вперед левую руку с обугленной, едва горящей деревяшкой, свистнул, отвлекая внимание существа от скитальца. Обезображенная голова резко повернулась на пронзительный звук и тут же отпрянула назад – огонь перед глазами явно мешал бестии. Пытаясь отогнать от себя пламя, чудовище начало размахивать руками, сметая на своем пути разбросанные стулья, словно щепки. Бальтор ожидал подобную реакцию. Сделав быстрый кувырок под локоть, он вонзил свою секиру прямо по центру груди монстра. Гурллуку забурлил, точно проснувшийся гейзер. Нижняя челюсть поползла вниз, вслед за извивающимся языком из растущего разрыва на коже вырвался пронзительный визг. Пасть все ширилась, закрывая уже половину страшной морды. Существо отпрянуло к двери, упершись задними ногами в проем. По вздувшимся мышцам скиталец определил, что тварь готовится к прыжку. Не двигаясь с места, Эйстельд решил позволить Искраженному напасть. Риск был огромен, но чудовище было достаточно неповоротливо, и скиталец знал, что успеет ударить, прежде чем его когти достигнут своей цели. Гелвин понял план Эйстельда и нарочито медленно, охая и постанывая, поднимался, припадая на свою секиру, всем своим видом показывая, что серьезно ранен и далеко не уйдет. И тогда Гурллуку прыгнул во всю длину тела. Кривые когти были всего в нескольких дюймах от горла охотника, когда в теплом свете старого камина отблеском рассвета сверкнула лунная сталь. Две страшные, скрюченные в последней судороге кисти, отсеченными обрубками взмыли вверх. Искраженный взревел, извиваясь в безумном танце, орошая все вокруг сгустками черной крови. Непредсказуемым могучим ударом изуродованной конечности он задел бальтора. Будто тряпичная кукла, Гелвин, пролетев через всю комнату, угодил в дальний угол, заваленный тряпьем и различным мусором. Эйстельд успел увернуться от удара, на ходу подстраиваясь под ритм и характер хаотичных движений обезумевшей от боли твари. Уйдя от еще нескольких мощных взмахов, скиталец полуоборотом скользнул за спину Гурллуку и одним ударом срубил огромную голову, навсегда оборвав невыносимый рев и предсмертную агонию существа.

Громоздкое тело обмякло и медленно распласталось, заняв едва ли не половину комнаты. Черная лужа под ним ширилась, заливая старый настил все больше и больше, грозя дотянуться до разложенных вещей у камина. Скиталец не замечал этого, а все так и стоял с обнаженным мечом и угрюмым видом, оглядывая останки, лежащие неподвижным холмом некогда смертоносного чудовища.

Сдавленные чертыхания вперемешку с крепкой руганью вернули скитальца к действительности. Эйстельд бросился разгребать из-под завала старого друга, но в этом уже не было необходимости – Гелвин выбрался сам. Разминая хрустящие суставы, он с интересом взирал на недавнее поле битвы.

– Ловко же ты его, прямо на стол подавать можно! – восхитился бальтор и покосился на лежащую неподалеку голову. – Вот так экземпляр. Последний, с которым мне пришлось сражаться в темных копальнях Гроденорга, был едва ли на полфута выше меня, и то, бестия была не из легких. В этом же красавце футов восемь, не меньше! Да как такой в дверь прошел-то, не говоря уже о колодце.

Эйстельд, задумчиво обтерев меч, вложил его в ножны. С трудом оторвав взгляд от выпученных и потускневших глаз, он подумал о том, что к неразрешимым загадкам болот прибавилось на одну больше.

Первая серость рассвета вкрадчиво заглядывала сквозь прорехи в крыше. Бледное марево туманного утра и морозящего дождя неторопливо проникало в дом сквозь открытый дверной проем, оседая мелкими каплями воды на окружающих предметах и одежде. Эйстельд вышел наружу и почувствовал, привычный запах близких трясин. Вместе с теплом прогретой хижины стылый ветер уносил прочь и ночные кошмары.

Гелвин вышел следом, молча протянув Эйстельду его собранный мешок и накидку. Оправив свой измятый за ночь плащ, старый охотник с топором за спиной и котомкой на плече готов был встречать новый день.

Решив следовать намеченному за ночь плану, они двинулись вдоль берега, внимательно осматривая каждую брошенную лодку, пытаясь найти из всевозможного сгнившего хлама хоть что-то способное держаться на воде. Селение, оставшееся по правую руку, медленно скрывалось за вырастающими холмами. Поиски уводили все дальше от домов, приближая путников к диким топям и заросшему устью.

Эйстельд остановился – дальнейшее продвижение лежало к востоку вглубь болот, потому не имело смысла. Взглянув через простирающуюся массу сонной воды и плотный туман, он попытался отыскать взглядом очертания крепости. Но пелена привычного дождя и дымки надежно скрывала дальний берег. Уже раздумывая над тем, не вернуться ли в деревню и попробовать из подручного мусора соорудить подобие плота, скиталец услышал оклик Гелвина. Вслед за восклицанием показался и сам бальтор.

– Эйстельд, нам начинает улыбаться удача! – довольно просиял охотник, махнув рукою. – Подойди-ка и взгляни сам, уж очень необычна находка! – и после этих слов снова скрылся из виду.

Скиталец последовал за ним. Раздвинув живую и гибкую ширму стеблей, он увидел склонившегося бальтора у лодки, почти нетронутой гнилью и ржавчиной. Приглядевшись получше, Эйстельд понял, что лодка не была заброшена, о чем свидетельствовали расположенные вдоль бортов тюки и вложенные по бокам весла. Явно подготовленная кем-то для переправы, она дождалась тут совсем недолго. В тюках они обнаружили запасы походного провианта, сменной одежды и лежанок. Очевидно, что все было подготовлено для небольшого отряда и, особо не мучаясь угрызениями совести, Эйстельд и Гелвин решили воспользоваться подарком судьбы. Не дожидаясь истинных хозяев этих сокровищ, они вытолкали лодку вдоль спуска из примятых камышей.

Достигнув воды, суденышко дружелюбно закачалось. Без лишнего шума друзья погребли к дальнему берегу сквозь туман. Дождь, успевший набить оскомину, понемногу стихал на нет, не забыв промочить одежду и напитать влагой плащи. Гелвин, доверив весла следопыту, решил еще раз пройти по тюкам, в надежде отыскать пару сухих одеял или накидок.

– Держу пари, что, умыкнув лодку, мы сильно подпортили чужие планы, – хмыкнул старик, внимательно рассматривая узорную монограмму на одной из найденных накидок, – если

меня не подводит мой единственный глаз, это не иначе, как походная мантия с эмблемой Магистрата. Изначальный ее забори, что здесь вообще она может делать?!

– Провиант и походное снаряжение из самого Магистрата, значит? – задумчиво проговорил Эйстельд. – Видно, не одного тебя, Гелвин, Магистрат снарядил в дорогу. Судя по качеству этих припасов, уж не своих ли адептов направил к топям разведать ситуацию?

– Не знаю, не знаю, – с сомнением покачал головою бальтор. – Мой поход они оплатили и результатов будут ждать любых. Вернусь – хорошо, а ежели нет, то тут уж либо бежал с присвоенным золотом, что за мной отродясь не водилось, либо болота поглотили старого дурака! Горевать о сгнувшем бальторе и мешочке с монетами никто особо не станет, будут искать других охочих до золота. А вот для чего им рисковать своими воспитанниками? Ты и сам знаешь, как редки сейчас те, кто чувствуют зов серебряной крови и селлестила.

– И все же, монограмма на найденных вещах говорит о многом. Магистрат явно в этом замешан, только вот каким образом? Все это меня порядком беспокоит.

– Есть еще кое-что, – нехотя произнес Гелвин. – Эти запасы могли быть украдены или отняты силой у магистров. И то, и другое не сулит ничего хорошего. Я мало знаю таких, кто бы осмелился встать на пути Магистрата. Мне вот вовсе не улыбается у подножия и без того не самой радужной крепости встретить тех, кто способен Магистрат в дураках оставлять.

Эйстельд глядел на водную гладь не отрываясь. Под хлесткими ударами весел лодка шла довольно проворно, хотя вода казалась густой и желеобразной. Отсутствие волн вокруг лодки наталкивало на мысль, что они и вовсе не движутся, а увязли в бескрайнем центре черной трясины. Наконец, вынырнув из своих мыслей, Эйстельд перевел взгляд на бальтора, который вернулся к осмотру мешков и вещей.

– Гелвин, твои догадки могут оказаться верными, потому на том берегу стоит быть готовым к неожиданным встречам. А пока, раз уж волей случая припасы достались нам, брось-ка мне тот вычурный балахон, может хоть согреюсь немного.

Старик передал скитальцу накидку, которая и послужила предметом для размышлений. Сам же, завернувшись в первую попавшуюся тряпку, занялся пополнением провианта, запихивая найденные припасы (в основном состоящие из лепешек и сушеных полос мяса) в их собственные котомки.

Всматриваясь в сторону ожидаемого берега и не видя ничего, кроме белесой завесы тумана, устилающей темную поверхность воды, следопыт вздрогнул. Подобно лезвию исполинского топора, ключьями разрывая туман, вынырнул необъятный обсидиановый силуэт древней цитадели. Великий Клык полностью оправдывал свое название. Словно почувствовав нутром приближение к главной цели их путешествия, бальтор оторвался от своего занятия, и с молчаливым трепетом взирал в сторону черного монолита крепости.

Точно высеченная из матового кристалла, поднятого из самих недр, крепость имела форму искусственно искаженной многоугольной призмы. У самого верха, где туман был наименее плотным, острые углы впитывали солнечный свет, почти не пропуская его ниже. Те немногие отражения, избежавшие участи быть полностью поглощенными загадочным минералом, позволяли судить о форме и деталях старой крепости. Ярусы и сечения не имели ни конца, ни края, создавая ощущение замкнутости друг в друге. Многогранные очертания производили впечатление конструкции, вырванной из сложнейшего цикла необъяснимых и непостижимых изменений. Словно злой гений, решив создать нечто колоссальное и безупречно точное, в последнем мгновении позволил хаосу завладеть своим творением. Вслед за самой крепостью из тумана показался рваный берег бурого цвета, едва отличимый от поверхности угрюмой воды.

– Почти на месте. – пробормотал Эйстельд, стараясь как можно тише грести веслами. – Судя по солнцу, гостю в этих краях редкому, хоть и желанному, в запасе до сумерек у нас еще пара-тройка часов.

– Вроде и добрались куда хотели, но отчего же хочется мне сейчас быть как можно дальше от задуманного?

– Не тебе одному, старый ты лис, не тебе одному, – уголком рта скупой улыбнулся скиталец.

Лодка скользила почти бесшумно, постепенно приближаясь к скалистому берегу. Сквозь обрывки тумана Эйстельд старался отыскать подходящую для высадки бухту. Наконец, увидев перепад в темной полосе берега, после коротких маневров направил туда нос суденышка. Чем ближе они подплывали к крепости, тем сильнее менялась поверхность воды. Зеркальная гладь противоположного берега ближе к середине сменялась едва заметной рябью, переходя у подножия крепости в беспокойные водовороты. Вода же, берег и сама местность в тениях Великого Клыка теряли свои краски, проваливаясь в безжизненный серый цвет.

Ветер, несущий до этого только холод и привычный запах стоячей воды, теперь же добавил тоску и сомнения. От его пробирающих до костей ледяных порывов хотелось или укрыться с головою, или бессильно кричать вслед. Эйстельд содрогнулся, с усилием подавив внезапное ощущение страха и безнадёжности. Он представлял, что энергетические всплески, исходящие от крепости, простираются далеко за ее пределы. Но то, что они ощущались настолько сильно, было неприятным открытием.

– Вот так и остров – приют забавы и смеха! – с улыбкой, похожей на гримасу, скривился охотник. – Крепость точно заразилась весельем от лучезарного селения неподалеку. Для полноты картины у подножия только пары могилек не достаёт. Жаль, на роскошные надгробия рассчитывать нечего.

Следопыт был рад, что Гелвин не потерял чувство юмора в этой мрачной обстановке. Собравшись с силами и взявшись за весла, Эйстельд направил лодку к уже видневшейся полосе бурого песка. Нос, покачиваясь из стороны в сторону, припадая и виляя в небольших воронках, наконец-то уткнулся форштевнем в песчаное дно. Скиталец с бальтором выскочили в воду и потащили лодку через узкий берег в тень нависающих скал.

В кабинете Лагранна

Тем временем, пока двое одиноких путников, затерявшихся во мрачных тенях древней крепости, стремились найти ответы на тревожащие их вопросы, за триста лиг от сырости, страха и безнадежности, в изысканном кабинете, озаренном мягким светом высоких свечей в золоченых подсвечниках и уютным огнем потрескивающих дров в камине, морщил свой величественный мраморный лоб один из самых одаренных и опасных интриганов Элрадана – Верховный магистр Лагранн.

Его кабинет находился в юго-восточном крыле грациозной иглоподобной башни, венчающей всю наземную конструкцию Королевского Магистра. Расположившись спиной к высокому стрельчатому окну напротив камина, он работал там не покладая рук.

Лагранн недовольно хмурился, сжимая застывшее перо над очередным неоконченным поручением. События последних дней развивались совсем не так, как он того планировал. Вздорный авантюрист бальтор, нанятый пару недель назад, исправно выполнил часть возложенного на него плана. Шпионская сеть, опутывающая весь материк, принесла известия о том, что старый охотник добрался до болот, но больше о нем никаких известий не поступало. Да это и не было удивительно. Соглядатаи Магистра, как и местные резервы, в болота за охотником особо не рвались. Лагранн и не настаивал на том. Для того он и нанял бальтора, дабы малыми усилиями разведать тайны, скрытые за пеленой тумана.

Но не это тревожило Верховного магистра, а бунт одного из его лучших учеников. При этих мыслях Лагранн раздраженно отшвырнул перо, так и не окончив письма, затем резко встал и направился к окну. Стоя против света, он в раздумьях наблюдал за беснующимися волнами у подножия громоздкого основания Белого Крыла, нависающего скальным уступом над морем.

Да, произошедшие события совершенно не радовали. Он и подумать себе не мог, что его отказ одному из самых талантливых и перспективных адептов повлечет за собой столь серьезные последствия.

Керрик, Керрик... С горьким сожалением Лагранн смотрел на простирающуюся к горизонту ртутную рябь. Как же он мог так ошибиться? Годы обучения, такой потенциал! Даже Хранители проявляли заинтересованность в нем. Уверенность в том, что воспитывает собственного приемника, заставила поверить в безоговорочное послушание первого ученика и усыпила бдительность,

А все началось с того момента, когда Магистрат вплотную начал интересоваться болотами. Безусловно, был и запрос из королевской резиденции. Тамошний совет сильно интересовала проблема торговых путей, которые исчезали в топях один за другим. Но пробудившись болота интересовали Лагранна куда больше, чем проблемная торговля. Тут ощущался зов селлестила: серебро будоражило кровь, менялись лунные циклы.

Необходимо было как можно быстрее проверить свои догадки. Однажды вечером, в этом самом кабинете, магистр спокойно излагал свой довольно простой, но хорошо продуманный план. Лагранн уверял, что для разведки и понимания событий за пределами досягаемости шпионов стоит использовать именно бальтора, но был неприятно удивлен неожиданно резким протестом своего всегда сдержанного приемника:

– Магистр, не стоит доверять столь важные вопросы какому-то пьянице и оборванцу! Я знаю куда больше обычного адепта, прекрасно владею клинком и ориентируюсь на незнакомой местности, а моя чувствительность к голосу селлестила, думаю, будет не хуже вашей. С парой надежных людей из своего числа я достану вам всю правду о топях, и кто бы за этим не стоял, брошу его к вашим ногам, будь-то хоть сам Изначальный!

Лагранн поднял склонившуюся голову над картами и холодно взглянул на своего ученика. Что-то в лихорадочном блеске глаз или в проступающих каплях пота на бледном лице вызывало в магистре необъяснимую тревогу. Поведение Керрика уже тогда должно было вызвать некоторые подозрения, но Лагранн счел это лишь юношеской бравадой. Нарочито медленно, подчеркивая каждое слово, он произнес:

– Не будь дураком, Керрик! Такой риск не может быть оправдан. Пока я не буду знать, что скрывается за этим чертовым туманом, я не пошлю туда даже свою кухарку! Не говоря уже о том, чтобы рисковать целым отрядом из Магистрата. Что о тебе, то я, признаться, разочарован... Иногда мне кажется, несмотря на все твои умения и навыки, что ты – наихудшая кандидатура на место моего приемника.

Невозмутимо наблюдая, как заходили желваки на скулах Керрика, магистр про себя отметил, что первый ученик держит удар, и прямые оскорбления не выбивают почву из-под его ног. Затем помолчав, спокойно продолжил:

– И да, спасибо, я прекрасно осведомлен о твоих способностях, но не забывайся. За мглюю вполне может быть то, с чем справиться тебе не под силу. А твои рассуждения об Изначальном напоминают меня самого, когда я был лет на сорок младше и на порядок глупее. Сущностью таких порядков не совладает и весь Магистрат с Селлтириандом впридачу. Кстати о них, – прервал Лагранн жестом руки открывшего рот адепта, – вполне логично, что Орден вышлет свою группу или скорее одного из Серых скитальцев, дабы также минимизировать риски.

– С этими серыми псами у нас старые счеты! Как можно забыть об их отказе признания Магистрата как единого хранителя мира и стражей селлестила в королевстве! А их наглая уверенность в том, что члены Серого Ордена (сборище из ума выживших стариков и бродяг всевозможного покроя) являются последними потомками Серебряных Стражей! Более того, эти серые бунтари в открытую называют короля узурпатором, и напрямую не согласны оказывать помощь королевскому дому! Да всех этих отбросов уже давно следовало на столбах перевешать, раз и навсегда показав, кто здесь истинные наследники селлестила!

Магистр, терпеливо наблюдавший за столь бурной и продолжительной тирадой, выглядел утомленным. Он был явно раздражен напористостью ученика, хоть и виду старался не подавать.

– И что же вы, юноша, предлагаете? – язвительно усмехнулся Лагранн. – Развязать войну, ударить по ослабленному Ордену, когда они более всего не готовы, и уничтожить их раз и навсегда? А не думал ли ты, что силы, пробудившие болота, могут быть куда опаснее всех Хранителей вместе взятых. Так почему бы нам не дать возможность скитальцам принять на себя первый удар? Использовать их как защитный барьер, и, исходя из последствий, попытаться понять, что же все-таки зарождается в топах.

Керрик нервно зашагал вдоль комнаты, затем, резко остановившись, едва ли не выкрикнул:

– Да ведь они заберут всю эту силу себе! Только себе... Понимаете! Не останови их сейчас, кто знает, какую мощь и какие знания получают они за этой непроницаемой мглюю!

– Если только не будут уничтожены самим источником, – спокойно ответил Лагранн. – Орден архаичен. Они никогда не станут принимать те дары, которые покажутся им проявлением зла или тьмы. Ты и сам прекрасно знаешь их догматы. Потому я по-прежнему уверен, что мой план – единственно верный. Забудь всю ту чепуху, о которой сейчас мне поведал, и сделаем вид, что этого бесполезного разговора не было!

Керрик молча пожирал глазами магистра, прикусив нижнюю губу. По его подрагивающему лицу было понятно, что он с трудом сдерживает себя. Наконец, видно приняв решение, адепт сухо кивнул и направился к выходу. У самой двери он обернулся и процедил сквозь зубы:

– Вы ведь понимаете, учитель, если этот бальтор споеется с серыми в болотах, его верность вам, магистр, и вашему золоту можно будет смело ставить под сомнение. Тогда мы ничего не узнаем, и это позволит Ордену играть с нами по своим правилам!

– Да, этот момент я тоже учел, – недовольно сверкнул глазами Лагранн, – и, если бы не твои скорые суждения и неумная жажда крови, возможно, ты бы и сам увидел простое решение этой проблемы. А пока, я запрещаю тебе самостоятельно вмешиваться в этот вопрос и собирать экспедицию к болотам. Вплоть до моих новых указаний! – сказав это, Магистр снова склонился над столом, дав понять, что данный разговор окончен.

Краем глаза он успел заметить, как метнувшись вихрем к выходу, Керрик с яростью грохнул за собой дверь. «Все-таки он еще молод, и далеко не так опытен, как о себе возомнил. Не в каждой игре способен просчитать все шаги наперед», – по-отечески подумал тогда магистр.

И сейчас, спустя две недели после состоявшегося разговора, стоя у высокого окна, Лагранн сожалел, что не велел вести круглосуточное наблюдение за своим воспитанником. Кража припасов, оружия, четверых коней, исчезновение Керрика с его двумя доверенными людьми – вот чем поплатился магистр за чрезмерную уверенность во власти над адептом. Да еще ко всему пропал королевский писарь, прибывший сюда с донесениями из резиденции Вараллианда, неизвестно зачем понадобившийся беглецу.

Неслышно вздохнув и взглянув на уходящую к горизонту иссиня-черную дрожь, тронутую золотистым сиянием умиротворенного солнца, Лагранн приметил прекрасный трехмачтовый парусник далеко на горизонте, схожий по очертаниям на торговый корабль, гордо расправивший паруса по ветру. На какую-то долю секунды магистр представил себя на его палубе. Все недописанные указы, неотложные назначения, козни и интриги смывал с его лица соленый морской ветер и, надувая полотно парусов, вел его, снова молодого и беззаботного матроса, навстречу свободе.

С усилием отогнав от себя химеру давно уже позабытой жизни, Лагранн улыбнулся и, сложив руки за спиной, направился к столу. Вопросы, вернувшие его к действительности, требовали немедленных решений. Усевшись за стул и нависнув над незадачливым поручением, которому так и не предстояло быть выполненным, с минуту смотрел в бумагу невидящим взглядом, затем внезапно хлопнул рукой по столу. Мысль, посетившая его изощренный ум, была отчасти рискованна, но сейчас магистр был готов на все. Весь его план мог пойти под откос из-за бессмысленного бунта Керрика. Взяв колокольчик, он позвонил несколько раз, ожидая своего камердинера. Через пару минут в комнату неслышно вошел слуга.

Магистр коротко бросил:

– Голтена Вик'Дерна, немедленно!

Камердинер поклонился и застыл на несколько мгновений в преддверии следующих поручений. За долгие годы он достаточно хорошо изучил переменчивость настроения Верховного магистра. Потому считал поспешные действия не всегда самыми верными. Прождав и убедившись, что таковых больше не будет, молча и бесшумно направился к выходу. Минуты текли за минутами, и Лагранн уже начал терять терпение.

Наконец дверь отворилась, и в кабинет размашистыми шагами вошел человек немного выше среднего роста, одетый в походный, но опрятный камзол темно-синего цвета с наглухо застегнутым воротником. Встав точно напротив стола, он с достоинством поклонился откинувшись на спинку кресла Лагранну.

Магистр пристально и неспешно изучал своего лучшего поверенного в решении самых щепетильных вопросов. У вошедшего была бледного цвета кожа и водянистые голубые глаза. Голову украшали темные волосы, аккуратно уложенные назад. Небольшая подстриженная борода и точеные черты узкого лица указывали на его аристократическое происхождение. Но манера движений и жестокость взгляда выдавали в нем человека, привыкшего иметь дело с насилием. Лагранн завербовал его лично. Благодаря своему острому уму и не менее острому

клинку Голтена, тогда еще первый адепт силой и ухищрениями расчищал свой путь к вершине башни Магистра. С тех пор их связывало множество совместных интересов и тайн, что только укрепляло взаимное доверие друг к другу.

Магистр видел в нем одного из самых надежных исполнителей, который справится с поручением любой сложности: будь то исчезновение неугодной фигуры в Малом Совете или же периодические находения пьянчуг в сточных канавах, бардов и свободных мыслителей, распеваящих песни, порочащие мантию власти. Вот и сейчас, молча вытянувшись перед магистром, Голтен Вик'Дерн обдумывал, кому же на этот раз предстоит исчезнуть при весьма загадочных обстоятельствах.

– Для тебя не будут секретом неуравновешенные выходы моего воспитанника, – начал издали магистр. – Дабы хоть как-то овладеть ситуацией, я вынужден прибегнуть к твоей неизменной помощи.

Голтен коротко кивнул в знак понимания происходящего, и меланхолично, но с едва заметной издевкой, произнес:

– Немногим обещано с ранних лет Белое Крыло. Сердце становится мягким и капризным, когда знает, что его ценят превыше всех.

Лагранн почувствовал растущую волну раздражения с примесью стыда и гнева. Однако постарался, чтобы Голтен не имел возможности насладиться тем, что уязвил самого магистра. Твердо взглянул в лицо поверенного, он произнес:

– Я прекрасно знаю твоё отношение к Керрику, но как я уже говорил ранее – мои методы воспитания и подготовки приемника не обсуждаются. Тем более во многом я добился впечатляющих результатов. Бессмысленно отрицать – он был будущим всего Магистра. Его связь с селлестилом, можно сказать, феноменальна. Керрик чувствует лунное серебро как часть своей плоти. Даже в Сером Ордене поговаривали о том, что он возможно прямой потомок Серебряных Стражей.

– Что-то мне подсказывает, что будущее всего Магистра сейчас на краденых лошадях направляется напрямиком за унылые бескрайние топи.

– Твои догадки верны, Вик'Дерн. Потому отбросим насмешки и перейдем к делу. Я хочу, чтобы ты отправился следом.

– Почему именно сейчас, магистр? Двухнедельное ожидание размывает следы и мотивы. Кто знает, что они уже успели наворотить.

– Так нужно, Голтен. Мне стоило немалых усилий и времени замять этот инцидент в Магистрате. Как ты сам знаешь, версия о мятеже официально опровергается. Керрик не бежал, а был определен в поисковую группу. К сожалению, исчезновение королевского писаря тоже добавило хлопот. В южной резиденции уже начали задавать вопросы. Пришлось ждать и думать, как выпутаться из этой ситуации. Я не мог сразу послать доверенное и столь узнаваемое лицо, не вызвав подозрения. Теперь, когда шаткое прикрытие более или менее работает, нужно начинать действовать!

Лагранн, пожившись от холодного морского ветра, ворвавшегося сквозь приоткрытое окно, отошел к камину и, протянув озябшие руки к огню, словно невзначай заметил:

– И как можно меньшей кровью, Голтен. Керрик мне нужен живым, иные варианты неприемлемы. Постарайтесь его убедить в том, что я обдумал его предложение, и с его поддержкой Серый Орден будет низвергнут в скором времени. Что касается остальных его попутчиков, действуйте по своему усмотрению, если будут мешать – устраните. Тоже самое касается и королевского писаря. Пропаавшему без вести, как было доложено в резиденцию, лучше не возвращаться. Если во все это уже вмешался Серый Орден, постарайтесь действовать скрытно, не хотелось бы разрастающихся слухов, якобы Магистрат посылает убийц за скитальцами. И последнее, Вик'Дерн. Выясните, что успел разузнать нанятый бальтор и, если будут подозрения о его связях с Орденом, убейте его. Старик должен понимать издержки своей профессии.

Застывшая фигура поверенного некоторое время оставалась неподвижной на месте, а затем, изящно поклонившись, уверенными шагами скрылась за дверь.

Оставшись один, Лагранн какое-то время пристально вглядывался в дрожащие языки пламени. Солнце за окном уже теряло свою блистательную силу, и багровым шаром медленно скатывалось к западным вершинам. Комната, наполненная вечерними оттенками заходящего света, сияла мягким латунным золотом. Холодный ветер, рвущийся в приоткрытое окно, сильно контрастировал с теплыми отблесками умиротворенного огня. Слабое красноватое свечение подчеркивало игру теней на приятном лице магистра. И если бы не состоявшийся минуту назад разговор, можно было подумать, что в этой идиллической атмосфере у камина отдыхает умудренный опытом и годами жизни творец, уставший от созидания.

Великий Клык

Лодка увязала в холодном и влажном песке с легкостью, оставляя с каждым шагом глубокую борозду за собой. Добравшись к изломанным скалам, вырастающим из земли отвесной стеною, двое быстрых и бесшумных путников притаились в длинных тенях каменного навеса. Спрятав лодку в одном из узких разломов породы, они занялись поиском подходящего склона для восхождения наверх. Бледное солнце понемногу клонилось к закату, сияясь окрасить бесцветные земли в теплые тона. Преодолев скальный порог укромной бухты, бальтор и скиталец взобрались на раскинувшееся перед ними плато самого острова.

От края плато у самой воды до подножия стен Великого Клыка рос редкий лес невысоких сухих деревьев. Не желая надолго задерживаться на открытых пространствах, путники попытались затеряться среди причудливо изогнутых стволов и теней безрадостного покрова. Как и прежде на болотах, ни одна живность не облюбовала себе эти места в тени древнего пика. Только бессвязный говор воды у подножия скал обволакивал понурые деревья, которые иссохшими до черноты ветвями не в силах были отогнать от себя промозглый и колючий ветер.

Эйстельд не забыл бегло осмотреть бухту и берег в поисках признаков недавно прибывших. Вместе с Гелвином они также внимательно изучили скалистый подъем и грубую землю у деревьев. Не обнаружив никаких следов, кроме своих собственных, и других лодок, друзья пришли к выводу, что если кто и посещал остров, то явно не с этой стороны берега.

Быстро перебегая в тенях облезлых деревьев, они направились прямо к подножию крепости. Тропы как таковой не было, но довольно редкий лес не представлял проблем продвижения сквозь него. Подойдя достаточно близко, когда до поверхности черной стены оставалось рукой подать, путники остановились, укрывшись за размашистым высоким кустарником. Оба внимательно осматривали видимый край крутого спуска, уходящий во тьму у основания цитадели. Кроме этого обрыва, исчезающего в угольной горловине, крепость не имела никаких других признаков входа: ни массивных ворот, ни арочных обрамлений. Единый обсидиановый монолит, казалось, пропорол насквозь окружающее плато острова. В самой близости Великий Клык поражал своими размерами. Необъятное основание расходилось полукругом настолько широко, что по самым приблизительным подсчетам для обхода вокруг крепости потребовался бы не один час.

Выбравшись из-под густых ветвей, двое путников осторожно приблизились к краю склона. Дальнейший спуск к далекому подножию стен был невозможен. Обведя взглядом всю доступную площадь чернильного камня и не найдя ни единого стыка или трещины на его поверхности, Эйстельд посмотрел вниз, следуя взглядом по склону, ведущему к пропасти. Откуда-то снизу доносилось глухое рокотание, напоминающее по звуку подземное течение неведомой реки или циклический шум древнего механизма.

Гелвин, стоящий рядом, неотрывно всматривался в уходящую вверх стену:

– Сразу видать, место явно не для ярмарок соорудили. Вниз спускаться – только шею себе переломать, а перед глазами входа не сыскать. Остается плестись в обход, пока не заметим чего сожогого на проход вовнутрь.

Так и поступив, они направились к востоку, по правую руку от тянувшейся непрерывно иссиня-черной поверхности камня. Лес подступал к самому краю уходящей в неизвестность котловины, и неустанно следовал за друзьями. Лишь редкие отблески самых настойчивых лучей заходящего светила на одно мгновение проникали сквозь непреступный покров и окрашивали в золотые прощальные цвета нависшие каскады угрюмого небосклона.

Друзья брели молча, отдавшись во власть своих мыслей. Мир, лишенный тепла и света, погружал сознание путников все глубже в сумрачные раздумья. Скиталец усилием воли сопро-

тивлялся влиянию крепости, стараясь в памяти вернуться в те дни, где его некогда окружали тепло и смех. Воспоминаний было немало: о северных лесах, озаренных весенним солнцем, о далеком море в благородном обнажении серебра, о старых друзьях, идущих плечом к плечу в самые темные дни и беззвездные ночи, о давней любви, что своим пламенем обжигала и сейчас. Но все они, вспыхнув мимолетном видением, уносились прочь призрачными полотнами прошлых жизней, не в силах более противиться влиянию крепости.

Эйстельд крепче сжал зубы, призывая все обладание над самим собою. Он не желал сорваться в пучину безнадежности, а может и безумия, когда они были столь близки к цели. Выискивая свои самые живые воспоминания о минувшей юности в странствиях по свету, он с усилием вынырнул на поверхность из бездонного колодца грез.

Обдуваемый ветром, скиталец с тревогой взглянул на старого друга, догадываясь, что крепость испытывала не только его. Гелвин шел, опустив голову, слегка покачиваясь, нелепо переставляя ноги. Однако, когда встревоженный странник окликнул бальтора и, не получив ответа, быстро одернул его капюшон и взглянул охотнику в лицо, из спутанной бороды раздался столь непривычный за долгое время смех:

– Представляешь, Эйстельд, чертовы камни нашептывали мне о бренности всей моей жизни! А когда я взял да припомнил о том, как за несколько монет развлекался с парой девок на торжественном открытии первого борделя в Гроденорге, шепот внезапно перешел в шипение, поперхнулся и оборвался на полуслове, – задорно сверкнул своим неунывающим глазом бальтор. – Я готов поставить оставшуюся квартиру в бурдюке, что последние слова в моей голове больше всего напоминали портовую ругань!

– Эйстельд облегченно рассмеялся следом. Взяв протянутый бурдюк из рук охотника, он сделал добрый глоток. Холод, окутывающий сердце, отступил, а застывшая кровь пришла в движение по венам.

Пейзаж, простиравшийся перед ними, был постоянен в своем однообразии. Деревья и кустарники пребывали в состоянии непрерывной глубокой осени. Листья, словно истлевшие за долгие века останки, укрывали участки земли и старые корни.

Продвигаясь все дальше, друзья подметили, что лес начал редеть. Между серыми стволами росло расстояние, и все чаще на оголенной и потрескавшейся земле проступала бурая пыль. Пройдя от места высадки около двух миль и давно уже потеряв из вида ориентиры песчаного берега, двое путников вышли к высокому склону, прорезавший остров поперек от самой воды. Скиталец и охотник взобрались на склон и взглянули на вид, раскинувшийся перед глазами. Сразу под ними склон уходил крутым наклоном, выравниваясь внизу в широкое песчаное дно, чтобы затем вновь устремиться вверх в противоположный склон примерной высоты с первым. Тем самым образовывал перед ними огромный овраг или ущелье, тянущееся от воды и до самых стен крепости.

Один конец этого подковообразного канала сходил на нет к берегу и терялся у далекой, едва различимой поверхности воды. Другой же, подступая к Великому Клыку, упирался в монументальную конструкцию из многогранных пик, обрамляющих стрельчатую высокую арку входа. Вытянувшись вверх полоса темных ворот казалась путникам гигантским расколом в матовой поверхности стен. Находились врата в нескольких сотнях ярдов от этой обзорной точки. У самого входа на темно-буrom полотне земли едва можно было разглядеть силуэты, неторопливо снующие в длинных тенях, которые острыми когтями протянулись от хищных пик, бдительно стерегущих ворота. Эйстельд долго и внимательно всматривался в фигуры, пытаясь понять, что им ожидать от неминуемой встречи.

– Все-таки лодок было несколько, – прервал молчание Гелвин. – Судя по росту и пропорциям – это люди, а один, что помельче – кжиник или бальтор.

– Нет, не бальтор и не кжиник, – ответил Эйстельд, напрягая и без того острое зрение следопыта, – некто, сидящий на земле, и судя по довольно странной позе как для отдыха, этот некто связан.

Гелвин даже крикнул от удивления. Почесав за ухом, заметил:

– Скажем так, ситуация из непростых выходит, и что мы имеем из всего этого? Банда, запросто обчистившая Магистрат, связывает друг дружку у самых ворот! Эх, не к чаепитию дело идет! Предлагаю топать вниз, там все и выяснить. Судя по неспешным осознанным движениям, это не Гурллуки. Потом, их всего трое, абы рука не подвела, управимся!

– Да, шансы есть. Только если это не сам Верховный магистр или его приближенные адепты. Поскольку им тоже Великий Клык далеко не безразличен, постараемся не проливать кровь у ворот. Не стоит тревожить древнюю жажду. Да и с Магистратом мы никогда не искали вражды и сейчас попробуем ее избежать.

– Будь по-твоему, – пожал плечами охотник, начиная спускаться с отвесного склона. – Только не думай, что адепты встретят тебя как друга, слишком давно ты не бывал в Дорниане. Магистрат уже подмял под себя всю власть. Король отныне не для величия, а так, для приличия. Магистр свои паучьи лапы везде раскинул, того и гляди весь Элрадан оплетет! Скитальцев там не жалуют, они давно уж возведены в разряд бунтарей.

Эйстельд молча спускался следом. Гелвин во многом был прав. В тех далеких южных краях он не бывал уже многие годы. Слухи ползли всякие, вплоть до таких, что Магистрат, некогда бывший союзник, теперь высылал охотников и убийц за остатками Ордена. Скиталец по большей части старался не верить всему услышанному, хоть и сам отчетливо видел, как уходят в забвение, окутанные недоверием и презрением, потомки Серебряных Стражей. Теперь ему на деле предстояло узнать, чем же все-таки стал Магистрат, использующий запретные силы лунного металла, которые однажды поклялся сохранять в тайне.

Спуск был долгим. Склон, все время норотивший осыпаться лавиной мелких камней из-под ног, замедлял продвижение. Колючие кустарники, цепляющиеся чуть ли не вертикально за отвесный склон, недовольно дрожали вызванным волнением и сползающими пластами без того драгоценной земли.

Друзья остановились внизу у пересохшего дна с бесцветной редкой травой, укрывшись за навалом камней. Старательно держась теней у подножия склона, они направились напрямик к воротам цитадели. Когда до цели оставалось пару десятков ярдов, они бесшумно притаились за небольшим валуном красноватой породы.

Сомнений более не оставалось. Загадочные силуэты превратились в хорошо различимые фигуры людей. Подле исполинских врат был разбит небольшой лагерь, который только при очень внимательном осмотре можно было отличить от груды камней. Мастерски замаскированную палатку и хорошо скрытые припасы в низких разросшихся кустарниках с трудом можно было разглядеть на расстоянии шага. Что касается самих обитателей временного пристанища, то их количество не изменилось, незнакомцев по-прежнему насчитывалось четверо. Присмотревшись получше, Гелвин неодобрительно хмыкнул и тихо сказал:

– Одного из них я знаю наверняка! Да и ты поди сам о нем многое слышал. Керрик, черт его дер! Первый адепт собственной персоной, а это означает проблемы.

Эйстельд внимательно осматривал фигуру, закутанную в походный балахон бордовых оттенков. Склонив голову, она нечто резко и энергично вычерчивала наконечником ножен в бурой пыли, укрывающей землю. Силуэт слева, облаченный в схожее одеяние, по статности и размаху плеч превосходя первого, возвышался неподвижным исполином. Фигура справа сильно уступала ростом двум другим и очертаниями более всего походила на женщину. Четвертым оказался человек, скрюченный на земле со связанными за спиной руками, одетый по последней моде королевского двора. Хотя это некогда щегольское одеяние сейчас напоминало измятые и запыленные обноски.

– Только королевского прихвостня здесь не хватало! – буркнул Гелвин. – Судя по его виду, бедолагу волокли по земле от самых границ Дорниана.

– Похоже, что мы подошли в самый разгар совета, – тихо заметил Эйстельд, – и скорее всего наше приближение осталось незамеченным. Мне интересно, зачем им понадобился королевский служащий? Но не будем строить догадки, Гелвин, пришло время представиться.

С этими словами Эйстельд сбросил свою котомку и, выйдя из-за укрытия, направился к темным фигурам. Бальтор, прихватив только свою секиру, с видом скучающего лорда при обходе своих ленных владений неотступно следовал по правую руку скитальца. Приближаясь к застывшим в напряжении силуэтам, Эйстельд не сомневался, что как только они покинули границы своего укрытия, их заметили. Ответное бездействие не нравилось скитальцу, но сжав рукоять меча и решив исходить из обстоятельств, он невозмутимо подходил к продолжавшей свой тихий разговор троице. Наконец, средняя фигура обернулась, точно боясь удара в спину и, откинув капюшон, высокомерно процедила:

– Я уже начинал сомневаться, что серым достанет смелости ответить на зов пробудившегося серебра.

Не доходя пары шагов, Эйстельд остановился напротив первого адепта, и взглянув в лицо Керрика, спокойно сказал:

– Серые скитальцы не отвечают ни на зов, ни на вызов. Они несут свой дозор и хранят верность Серебряным Стражам. Оберегая память о старых союзах, мы надеемся на вашу помощь, адепт.

Гелвин одобрительно промычал и, оперевшись небрежно на свою секиру, с интересом рассматривал собравшихся. Лицо Керрика хранило ледяное безразличие, только в глазах полыхало неприкрытое пламя ненависти.

– Я также почитаю историю и нарушать памятные традиции не намерен. Позвольте представиться, Керрик – хранитель селлестила и всего королевства, верный слуга короля и опора Магистрата! – при этих словах адепт сделал небрежный поклон, а затем продолжил. – Хочу представить моих спутников: верные слуги короля и искусные адепты Белого Крыла. Дейла, поприветствуй прибывших!

Слаженная фигура сделала шаг вперед, из-под капюшона блеснула милая улыбка хорошенькой девушки:

– Не ожидала встретить серого пса вживую. Я-то думала, что вы все передохли в грязных канавах, – невинно взглянув карими глазами, мелодично пропела адептка.

Дейла, где же твои манеры? – укоризненно вздохнул Керрик. – Орден выслал к нам в помощь одного из лучших братьев, обращай к нему с должным почтением. Аркон, позвольте порекомендовать.

Здоровенный детина с хищным лицом и медного цвета волосами поравнялся с первым адептом. По туповатому выражению лица становилось ясно, что его главное преимущество заключалось лишь в громадных мускулах.

Эйстельд окинул взглядом адептов и повернулся в сторону связанного.

– Ах, это, – небрежно протянул Керрик, – представить его вам не смогу. Видите-ли, это наш пропуск в крепость, а кем был он до этого не имеет никакого значения. Потому советую просто не обращать на него внимания и перейти к более насущным вопросам. К сожалению, вы оторвали нас от крайне важного дела. Как вы успели заметить, мы все топчемся у порога, но никак не можем попасть вовнутрь. Я как раз намеревался воспользоваться нашим пропуском. Крепость ждет крови, иначе древние ворота так и останутся закрытыми.

Гелвину порядком надоел этот фарс. Сплюнув на землю и прищулив единственный глаз, старик произнес:

– Как для сопляка твоего возраста, Керрик, ты слишком много паясничаешь в присутствии старших! Вас троих, «великих хранителей», еще только на сеновале планировали, покуда мы со скитальцем несли дозоры у границ Серых Пустошей.

Повисла недолгая тишина. Аркон и его напарница не проронили ни слова, оставляя это право за старшим в отряде. Готовый взорваться от бешенства, первый адепт чуть слышно прошипел:

– Недорослый приبلуда! Все твои деяния не стоят и монеты, которую за них ты выпрашиваешь. Продажный бродяга! Этот тихий остров станет твоим последним пристанищем.

Увидев, как бальтор расплывается в улыбке, Керрик зло выругался и повернулся лицом к Эйстельду. Странник не улыбался, но в глазах прыгали веселые огоньки. Стараясь совладать с собою, адепт молча изучал стоящего перед ним скитальца. Поддавшись эмоциям, он понимал, что мог потерять контроль над ситуацией, и теперь лихорадочно обдумывал дальнейшие действия. Внезапно его лицо тронула призрачная улыбка. Ни Эйстельду, ни Гелвину она не понравилась.

– Учитывая обстоятельства, пожалуй, остается заметить, что присутствие самого Ордена как нельзя лучше способствует нашему общему делу. Вместо того, чтобы использовать кровь идиота из королевской свиты, я, пожалуй, воспользуюсь удачно подвернувшейся помощью и пролью столь ценимую кровь скитальца! Великий Клык должен принять такую щедрую плату.

Эйстельд не сдвинулся с места. Только едва заметно выдвинул пальцем на дюйм клинок из ножен. Спокойно улыбаясь и переходя взглядом по окружающей троице, он искал того, кто нападет первым. Гелвин, оставшись в той же позе, зевнул и лениво заявил:

– Керрик, твоя глупость надоедливее летней мухи. Зачем тебе убивать нас и потом иметь дело с Орденом? Я более чем уверен в том, что Магистрат не отдавал подобных приказов. Лагранн все еще отличает друзей от врагов. Потому, из всех господ и дам здесь благородных, я, стало быть, единственный, кто по официальному запросу здесь находится. Чего о тебе и твоих прихлебателях такого не скажешь.

Керрик усилием воли оторвал взгляд от пронзительных глаз скитальца и нехотя перевел его вниз. Столько ярости и огня полыхало отсветами в глубине его взора, что будь у него такая сила, старый бальтор вспыхнул бы точно промасленный факел. Бальтор хмыкнул и поморщился, словно от неприятного глотка прокисшего пива. Если бы рядом оказался корчмарь, охотник наверняка попросил бы сменить стоявшего перед ним адепта на что-либо более свежее.

– Аркон, я начал уставать от невоспитанности наших гостей и их мерзких привычек прерывать чужую беседу. Убери эту старую пьянь с моих глаз! Дейла, а тебя попрошу провести скитальца ближе к воротам. Нельзя потерять и капли столь ценной крови.

Гигант, словно очнувшись ото сна, грузно двинулся в сторону бальтора. Дейла, выхватив из-под накидки изогнутый кинжал, по-кошачьи крадучись, начала заходить слева. Эйстельд поднял руку и произнес:

– Серебряная луна свидетель, что я не искал этого боя!

С этими словами скиталец резко обнажил меч и встал недалеко от бальтора, прикрывая его спину. Керрик не сдвинулся с места. Либо он был достаточно уверен в своих подопечных, либо хотел понаблюдать за стилем и умением скитальца вживую.

Аркон, отбросив в сторону накидку, выхватил из-за спины массивный двуручник и ринулся в сторону охотника. Подобно огромной волне, накатывающей на одинокий камень, он набросился на старика. Эйстельд не имел возможности помочь другу. Дейла слишком хорошо знала свое дело: изящно поигрывая кинжалом, она грациозно танцевала вокруг странника, не давая возможности помочь бальтору. Гигант своим стремительным наступлением отрезал Гелвина от скитальца. Эйстельду пришлось отступить, дабы не попасть в слепую зону размашистого двуручника, тем самым оставляя друга наедине с могучим воителем.

Следя за подвижными ногами молодой адепки, скиталец старался не выпускать из виду бездействующего Керрика. Расклад сил Эйстельду не нравился совершенно. Решив закончить это сражение как можно скорее, он предпринял последнюю попытку:

– Дейла, я не хочу проливать кровь у ворот крепости. Ни свою, ни чужую. Что обещал тебе Керрик, я не знаю. Но неужели ты действительно хочешь отдать жизнь ради воплощения его желания?

Девчонка в ответ рассмеялась и произнесла:

– Серый, ты не знаешь жизни! Керрик никогда ничего не обещал, он сказал брать все самим, что только мы пожелаем. Я последовала за ним и не ошиблась – он привел нас к источнику могущества и власти! Осталось только протянуть руку и взять. Но в одном ты прав: его желания требуют крови, и я постараюсь, чтобы она была твоей!

Резкий выпад не застал странника врасплох. Гардой встретив изогнутое лезвие и уведя его в сторону, Эйстельд внезапно вздрогнул от прикосновения холода и боли. Дейла тоже не собиралась затягивать этот бой. В движении предсказуемого выпада скрывался второй. Только опыт и интуиция помогли скитальцу в последний момент полуборотом скользнуть вдоль левой руки девчонки, метнувшейся стальной молнией из-под плаща. Иначе на месте пореза куртки и рассеченной кожи сейчас бы торчала рукоять второго кинжала.

Воспользовавшись замешательством адепки, уверенной что ее удар должен был непременно достичь цели, Эйстельд ткнул с силой локтем ей под ребра и отскочил на расстояние клинка. Глядя на то, как Дейла, задыхаясь, хватается ртом воздух, скиталец осторожно ощупал рану. К счастью, она была поверхностной. Кровь шла быстро, заливая куртку и плащ, стекая на голодную землю живительной влагой. Быстро порывшись в одном из внутренних карманов куртки, не сводя при этом глаз с адепки, Эйстельд нащупал пузырек, из которого ловким движением извлек пару капель драгоценной мази на основе селлестила (смертельной для большинства). Скиталец был уверен, что это должно остановить кровь, потеря которой у стен Великого Клыка не сулила ничего хорошего.

За это время у девчонки успело восстановиться дыхание и, собравшись с силами, она продолжила стремительное наступление. Дейла больше не улыбалась, ее карие глаза в сумраке близкой ночи сверкали гранями черных кристаллов. В их блеске читались жажда смерти, страх и толика уважения:

– Недоценила я тебя, серый бродяга. Но другой такой поблажки от меня больше не жди!

Адепка била короткими прямыми ударами, чередуя их с размашистыми и боковыми. Сталь сверкала полуденным ливнем, не оставляя воды под ногами. Эйстельд парировал, отскакивал и уворачивался. Ритм был быстрый, но скиталец уже видел, каков у него предел. Вдруг краем уха он услышал сдавленный рев бальтора. Сомнений более не оставалось: старый друг был в беде, и выкрутасы тщеславной адепки перестали его удерживать.

Встретив очередной удар плоскостью клинка, следопыт провел его вдоль лезвия и, перехватив вторую руку у самого горла, направил инерцию тела нападавшей вперед. На шаг уйдя в сторону, полоснул мечом снизу наискось, вдоль груди, которую Дейла не успела закрыть. Порывисто всхлипнув и зажав руками распоротый жилет, из-под которого потоком лилась кровь, адепка повалилась на землю, судорожно поджав под себя ноги. Эйстельд на мгновение замешкался над ней: ему было жаль упрямую девчонку, которая корчилась в пыли безмолвного острова, умирая ради исполнения чужих желаний. Но времени на размышления больше не оставалось.

Быстро взглянув на Керрика, странник нашел его стоящим на том самом месте. Лицо адепта не выражало печали или сожаления, только слабая искра минутного наслаждения догорала в его глазах. Не тратя понапрасну драгоценные минуты, скиталец ринулся на помощь другу.

Аркон орудовал тяжеленным двуручем точно деревянным мечом для тренировок. Гелвину приходилось не сладко. Удары по силе и звуку гудящей стали напоминали камнепад в горах. Секира в руках бальтора, мелькавшая так же быстро, как и яростный меч, дрожала по всей длине при встречах с широким клинком. Казалось, что столь сокрушительные попадания в любой момент расколют оружие охотника. Однако старая и закаленная спутница бальтора не хотела сдаваться, раз за разом защищая старика от громадного лезвия. Гелвин был быстр, но все же лицо и руки украшали кровоподтеки и рассечения.

Эйстельд бросился на нападающего гиганта, когда шелест неясного движения заставил его резко обернуться... Как раз вовремя! Керрик более не бездействовал и, очутившись перед лицом скитальца, съязвил:

– Для потомка Серебряных Стражей ты ведешь себя словно лишенный чести мужлан! Изувечил несчастную девушку и теперь собираешься вмешаться в честный поединок, напав со спины?!

Эйстельд молчал, ему было плевать на издевательские оскорбления адепта. Его гложил одна-единственная мысль, что промедли он еще немного, и Гелвин будет обречен!

Керрик, замечая внутренние терзания внешне спокойного странника, наслаждался ситуацией как хорошим вином. Не найдя иного решения, Эйстельд понемногу начал отступать в сторону доносившейся битвы, в тайне надеясь, что увлеченный самолюбованием и своим красноречием адепт совершит оплошность, тем самым дав такое необходимое сейчас время для помощи. Но пребывая в упоении, Керрик был начеку. Взмахнув своим клинком прямо перед носом скитальца, он раздраженно бросил:

– Если ты еще раз повернешься ко мне спиной, я заколю тебя как бездомную псину, оставив лицом в грязи, как ты того и заслуживаешь!

Холодное спокойствие Эйстельда начало сменяться яростью, которая затуманивала его разум, лишая возможности действовать обдуманно. Он не станет ждать, пока Гелвина свалит безжалостный меч! До друга оставался всего лишь рывок. Сейчас или никогда...

И тут, до его лихорадочного сознания донесся хрипящий, но не лишенный веселья окрик:

– Эйстельд! Кхф, тьфу! Сколько еще нам слушать этого напыщенного индюка? Хотя я и занят сейчас немного, но его самодовольное курлыканье у меня уже в заднице сидит! Заткни его поскорее, и сам не вздумай мне помогать! Я своего медведя тебе не отдам!

Неунывающие насмешки друга, хоть и с трудом, но сработали. Эйстельд перевел уже спокойный и собранный взгляд в сторону Керрика.

Взяв меч обеими руками и, наклонив вперед, Эйстельд приготовился к схватке, отчетливо понимая, с каким противником ему предстоит иметь дело. В фигуре и движениях Керрика прослеживалась изрядная доля ловкости и мастерства.

О Керрике в Элрадане ходило множество слухов, хотя все, что касалось его имени, зачастую обрывалось внезапными исчезновениями или болталось за шею на столбах у дороги. Но все единолично сходились во мнении о его талантах. Более искусного мечника в землях от Бурых Пределов и до Южного Моря сложно было сыскать. Возможно, из оставшихся Серых скитальцев ему бы и нашлись равные в мастерстве, но все они предпочитали скрытность. Пребывающие в забвении, они превращались в легенды, все реже упоминаемые вслух.

Первый адепт, зная всю полноту власти, внушаемую Магистратом и чувствуя, что время Серого Ордена уходит безвозвратно, не стеснялся демонстрировать свою темную сторону. Потому, его деяния и имена известных и безызвестных жертв внушали страха куда больше, чем требовалось и без того запуганному люду. Его сомнительную славу пытались смягчить и выставить в более достойном свете публичные высказывания Лагранна. Заверения в надежности хранителя мира и королевской власти, прямого потомка Серебряных Стражей действовали почти всегда с успехом. Редко кому взбрело в голову усомниться в этих словах или силиться их опровергнуть. Благодаря этому, слухи, доходящие до границ Серых Лесов в залы Совета

Селлтирианда, описывали Керрика едва не вторым Изначальным. Эйстельд никогда не воспринимал их всерьез, и сейчас ему предстояло на деле проверить правдивость этих рассказней.

Протянув свой меч навстречу Эйстельду, Керрик наслаждался этим моментом. Цель была близка, и только длина клинка разделяла его от триумфа.

О скитальце он слышал многое. В Магистрате Эйстельда знали и опасались. Точного возраста странника не ведал никто, за исключением может самих Хранителей. Деяния его были незаметны простому люду: о скитальце не слагали баллады, не восхваляли его подвиги в песнях. И все же высокая осанистая фигура, закутанная в довольно обветшалый темно-серый плащ, невзначай замеченная в полутемном углу таверны или одиноко бредущая среди полей к кромке леса, пробуждала в умах обывателей позабытые легенды о Серебряных Стражах и канувших в забвение их прямых потомков – Серых скитальцев.

Вдоволь насладившись моментом, Керрик метнулся к скитальцу вместе с тенью, пронзая окружающую полутьму молниями резких ударов. Между умением Керрика и его помощницы простиралась пропасть. Эйстельд атаковал, парировал и отражал, используя едва не всю свою силу и опыт. Сталь мелькала, как спицы в колесе телеги. Улучив подходящий момент, скиталец ушел боком от рубящего выпада и, перебросив меч в левую руку, ударил коротким наклонным движением. Встретив ожидаемое лезвие адепта, он провернул его книзу, правой же рукой выхватил кинжал из-за пояса, спрятанный под плащом. Однако острое лезвие небольшого кинжала пропороло лишь пустоту и краешек бордовой накидки. Увернувшись и уйдя на полшага в сторону, Керрик расхохотался:

– И это был твой козырь, скиталец? Признаться, я разочарован! Таким выпадом лишь гарнизонную солдатню резать, да и то на рассвете, пока все пьяные спят! Я предоставляю тебе шанс попробовать снова. Только теперь без дешевых приемчиков.

Керрик не сбавлял темпа. Удары сыпались со всех сторон, высекая искры соприкасающейся стали. Внезапный выпад – и кинжал Эйстельда отлетел в сторону. Перехватив меч обеими руками, скиталец закружился серебряным вихрем вокруг стального урагана адепта. Сходясь звонким неистовством, как две стихии, два воина отступали и с ожесточением набрасывались один на другого. В пылу мелькающей стали и кипящей крови, Эйстельд неожиданно подумал о друге. В его сознании вспышкой промелькнула мысль, что он давно уже не слышит звуков параллельного боя. Быстрым отскоком уйдя от клинка адепта, он с тревогой обернулся и не веря свои глазам, замер на месте.

Гигант, опустив голову, сидел на приземистом камне, опираясь на гарду своего меча. Клинок был расколот, и в землю врезалась лишь половина широкого лезвия. Ночная прохлада окутывала темной вуалью его массивную фигуру, нежно перебирая пламенеющую шевелюру. Казалось, что адепт, устав от бесконечных сражений, отдыхал и набирался сил для последующих битв. Только вошедшая ему глубоко в ключицу секира, с лениво стекающей струйкой крови, давала понять, то этот отдых для Аркона был последним.

Однако не поверженный адепт заставил оцепенеть странника. Едва различимым сиротливым холмиком в тених сидящего мертвеца виднелись очертания небольшого тела. Гелвин лежал на спине, и его седая борода безжизненно развевалась по ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.